Лейт. Льдовскій
(П. Ф. Ляпидовскій)

СКИФ

Записки военнаго летчика
том III

Издательство „СЛОВО“
238, Ave du Roi Albert
Шанхай
1937

Книга отпечатана въ собственной Типографіи Издательства „СЛОВО“
238, Ave du Roi Albert
Shanghai

Скиф

— Разрѣшите войти?

— Да, пожалуйста.

— Господин капитан, прапорщик Нечаев, прикомандированный во ввѣренный вам отряд из первой истребительной группы...

— О, здравствуйте, господин прапорщик! Так скоро? Я ожидал вас не раньше, чѣм завтра. Познакомьтесь с моим гостем: Иван Иванович Изаев, корреспондент газеты «Петроградскій Вѣстник» Да, садитесь, пожалуйста: никакихъ церемоній. Чѣм же мнѣ вас подчевать? Чаю, коньяку, кофе? Эй, вѣстовой, приготовька кофейничекъ! А пока кипит кофе, мы побесѣдуем. Как ротмистр Казаков? Попрежнему чудеса творит?

— Так точно, господин капитан.

— И ни разу серіозно не ранен?

— Амулет, говорят, у него такой имѣется.

— Не иначе. А Ванечка Смирнов?

— Непогрѣшим. В послѣднем бою встрѣтился с тремя нѣмецкими истребителями и в нѣсколько секунд сбил их, одного за другим.

— Всѣх трех?

— За десять, двѣнадцать секунд.

— Слышал и не вѣрил. Чудеса! Передавали мнѣ — изумительный стрѣлок, сверхчеловѣческое спокойствіе. А — вы?

— О, мнѣ далеко! Начинающій.

— Скромность в бойцѣ — достоинство. Но, увѣрен, что ротмистр не откомандировал бы посредственнаго летчика, если штаб просил об одном из лучших истребителей.

— За исключеніемъ командира и прапорщика Смирнова, мы всѣ — одинаковы.

— А Смирнов все еще прапорщик?

— Задержки в штабах. По боевым заслугам он, если не ошибаюсь, представлен уже в чин полковника.

— Это роли не играет: представлен в полковники — уже полковник. А вы — всѣ одинаковы? То есть, вы хотите сказать, что вы — такой же, как Павлов, Махлапу и другіе?

— Может быть и не такой, но по количеству сбитых машин, мы, повторяю, приблизительно, всѣ одинаковы.

— Хм, лучшаго и не нужно. Очень, очень радъ! Вѣстовой, еще бокал нашему гостю, и прикрѣпи к шесту карту-двухверстку нашего участка. Прекрасно. Сейчас можешь идти. Передай адъютанту, что я сейчас занят и никого не принимаю. А теперь мы поговорим по душам. Во первых, что у вас за машина? Новая? Хорошо отрегулированная? Как бьет пулемет? Без капризов? Не находите-ли нужным перемѣнить и поставить новый? Я предупреждаю васъ, что дѣло, по которому вы вызваны —чрезвычайной важности, почему мнѣ и необходимы всѣ мелочи, всѣ детали.

— Ньюпор новый. За него и за пулемет я ручаюсь.

— А за себя?

— За себя в особенности.

— Отвѣт мнѣ нравится. Не извѣстна-ли вам цѣль вашей командировки?

— Что-то слышал.

— Не догадываетесь?

— Смутно.

— Именно?

— В районѣ, расположенном против вашего участка, недавно появился истребительный отряд барона фон Келлерман, который...

— ...который так надоѣл нашему штабу, что мы получили предписаніе: какими-бы то ни было средствами избавиться от такого нежелательнаго сосѣда! Вы знаете его?

— Барона Келлерман?

— Да.

— Его знает весь мір. Он занимает второе, послѣ барона Рифтгоффен, мѣсто в германской авіаціи. Величина, конечно, внушительная.

— Вотъ почему нам, развѣдчикам, и понадобился «один из лучших истребителей».

— И моя задача?

— Ваша задача — побороться с фон Келлерман.

— Да?!

— Вы чему удивляетесь?

— Я, видите ли, господин капитан... не ожидал, что мнѣ выпадет такая высокая честь — драться с одним из лучших нѣмецких летчиков. Я польщен, очень рад, я горд, но... удобно-ли будет мнѣ, когда есть болѣе достойные летчики?

— О, нѣт, нѣт! Ротмистр был поставлен в извѣстность, что «предстоит дѣло чрезвычайной важности». Он, как командир, не могъ оставить свой отряд и указал на вас, как на надежнаго бойца.

— Если бы командир знал о предстоящей схваткѣ с фон Келлерман, он немедленно прилетѣл бы сам.

— Возможно. Но сейчас поздно. За него — вы.

— Я очень благодарен вам, очень рад. У вас имѣется какой-либо план?

— Вы дѣйствуйте по своему усмотрѣнію.

— Гдѣ находится аэродром противника?

— В мѣстѣ, обведенном на картѣ синим карандашем.

— Много бѣд натворил Келлерман?

— И не говорите! Как бѣльмо на глазу! Двух моих сбил. Гдѣ он, там — запретная зона. Ставка главнокомандующаго вышла из терпѣнія.

— На машинѣ какой системы летает барон?

— «Бранденбург»

— Его аппарат имѣет отличительные знаки или выкрашен в особый цвѣт?

— Нѣт. Всѣ машины — желтаго цвѣта, но его «Брандербург» — без радіатора на поверхностях.

— Скрытый?

— Вѣроятно.

— Два пулемета?

— Один.

— На капотѣ?

— Да, через винт.

— Благодарю. У меня, г-н капитан, кажется есть кое-что.

— Интересно!

— Фон Келлерман, по всей вѣроятности, древняя фамилія?

— Думаю.

— С традиціями?

— Пожалуй.

— Рыцари тевтонскаго ордена?

— Возможно.

— Тогда я попросту вызову его на поединок.

— Так!!

— Разыщу его аэродром и сброшу письмо-перчатку.

— Барону Келлерман?

— Да.

— С вызовом?

— Конечно.

— Жест красивый и оригинальный. А, пожалуй вы и правы: письмо прочтет весь отряд и — вызов будет принят.

— На это я и разсчитываю.

— В успѣхѣ можно не сомнѣваться. Когда думаете начать турнир?

— Завтра.

— В первый день Пасхи?

— Тогда я предоставлю назначить время барону.

— Правильно. А гдѣ?

— Гдѣ угодно, хотя бы над рѣкой, между окопами.

— У взорваннаго моста.

— Отлично! Отвѣт попрошу доставить сегодня же, к пяти часам вечера, сюда, на аэродром, если вы ничего не имѣете против.

— Пожалуйста, пожалуйста.

— Тогда разрѣшите сейчас сбросить письмо?

— Распоряжайтесь, как вам угодно и удобно. Я, отряд и машины — в вашем распоряженіи.

— Можно распорядиться от вашего имени о выводѣ машины?

— Безусловно.

— Спасибо вам, г-н капитан. Разрѣшите итти?

— Будьте здоровы, г-н прапорщик! Ваше имя и отчество?

— Илья Антонович.

— Со щитом или на щитѣ, а георгіевскій крест вы уже имѣете.

— Благодарю вас!

— Досвиданія Илья...Муромец!

***

В то время, когда Ньюпор приготовляли к полету, в бывшей палаткѣ адъютанта, гдѣ временно помѣстился прапорщик Нечаев, собрались всѣ летчики и наблюдатели отряда, узнавшіе об оригинальной дуэли.

Письмо с вызовом было составлено при участіи всѣх собравшихся и, послѣ вставок, измѣненій и добавленій, дежурный офицер прочел его содержаніе.

«Дорогой барон!

Вы, как рыцарь, безусловно поймете мои разочарованія, когда мнѣ с 1915 года и до сих пор, ни разу не приходилось биться с сильным и доблестным противником.

Вы, как один из лучших летчиков Германіи, представляете, как скучно драться с посредственными бойцами.

Я мечтал встрѣтиться с Вами или с фон Рихтгофен.

И, вдруг, на мое счастье, Вы со своим отрядом перебрасываетесь с западнаго фронта.

Дорогой Барон, я немедленно прилетѣл сю-

да, на этот участок, спеціально для того, чтобы имѣть возможность биться с вами в одиночном бою и льщу себя надеждой получить от Вас отвѣтный вызов сегодня в 5 часов вечера, с указаніем времени и мѣста поединка.

Сегодня в 5 часов вечера один из Ваших самолетов может снизиться на нашем аэродромѣ.

В ожиданіи Вашего любезнаго отвѣта, преданный Вам, Военный Летчик Барон (дворянин) Нечаев.

Пост скрибтум: предлагаю мѣсто для встрѣчи — между окопами, над рѣкой, над разрушенным желѣзнодорожным мостом.»

И на конвертѣ: «Командиру истребительнаго отряда Барону фон Келлерман.»

Письмо было вложено в плотную перчатку, куда для тяжести положили нѣсколько патронов от нагана. С помощью проволоки, из носового платка сдѣлали парашют, к которому и прикрѣпили письмо с грузом.

Нечаева на руках вынесли к старту, усадили в кабину и Ньюпор, на виражѣ, скрылся за вершинами деревьев.

Через два часа, в 14-10 минут, прапорщик Нечаевъ, вернувшись с фронта, доложил командиру, что письмо, несмотря на небольшой груз, было сброшено удачно. Парашют опустился на аэродромѣ, недалеко от брезентовых палаток.

***

В 16 ч. 55 м. над аэродромом появились два Фоккера. Один начал кружить на мѣстѣ, а второй, спикировав до 600 метров, сбросил блестящій предмет. Убѣдившись, что посылка замѣчена, Фоккеры исчезли.

Блестящій предмет оказался лайковой перчаткой барона фон Келлерман, на крагѣ которой был вытиснен герб – вздыбленный леопард опирающійся на трезубец.

В перчаткѣ нашлось письмо, в котором барон писал, что он охотно принимает вызов и очень сожалѣет о разочарованіях барона Нечаева, но надѣется, что на этот раз барон Нечаев будет вознагражден сторицею. Находя мѣсто поединка очень удобным, фон Келлерман назначал время и порядок встрѣчи: завтра ровно в 7 часов утра, прапорщик Нечаев с двумя секундантами должны быть над рѣкой. За три километра от моста сопровождающіе аппараты по ходу солнца описывают общую окружность, радіусом не меньшим, чѣм в три километра. Пр. Нечаев выйдет из круга и возьмет направленіе на мост. Барон немедленно вылетит навстрѣчу. Пулеметы секундантов без дисков и лент. Высота — 2.500 метров.

*
**

Послѣ того, как содержаніе письма барона стало извѣстно всему отряду, командир поздравил прапорщика Нечаева и попросил разрѣшенія быть его секундантом.

— Вы предупредили мое желаніе, г-н капитан; я хотѣл было...

— Спасибо, с удовольствіем. А кто — второй?

— Кого вы пожелаете, или кто пожелает.

— Ну, это невозможно: пожелает весь отряд.

— Да!

— Безусловно. Придется тянуть жребій. Но...

— Слушаю.

— Вы должны знать, что наш авіомеханик с большим опытом.

— Надежный?

— Вполнѣ. Он осмотрѣл вашу машину и нашел ее безукоризненной. Сейчас произведут пристрѣлку. Затѣм, я хотѣл бы, по возможности, облегчить ваш Ньюпор. Бензин — в обрѣз, достаточно пол-бака.

— Конечно, больше чуткости.

— И машина болѣе рѣзвая на разворотах.

— Очень благодарен.

— И послѣднее — завтра в 6 утра вы испытаете аппарат и пулемет.

— Есть.

— Будьте увѣрены, все будет в порядкѣ.

— Увѣрен заранѣе. Но, г-н капитан, вы, как будто боитесь за меня.

— О, нѣт, нѣт! Я только не закрываю глаза на вашего соперника.

— А что?

— А то, что, во-первых, он — фон Келлерман, а, во-вторых, я хочу, чтобы ваш Ньюпор и пулемет завтра дали вам все, что вы от них потребуете.

* * *

Сумерки наступили, как-то незамѣтно. С запада подул холодный вѣтер. Вмѣстѣ с отдаленным гулом орудій донесся тревожный и загадочный шум фронта. Шум особенный, заставляющій настораживаться каждаго, шум волнующій.

Журналист Изаев размѣренным шагом обходил аэродром, оставляя на травѣ стального цвѣта от росы, сочно-зеленыя полосы.

— Варварство или рыцарство? — в сотый раз задавал себѣ вопросы Изаев. — Факт тот, что разыгрывается величайшая трагедія. Трагедія заключается в том, что завтра в семь с минутами утра, а, может быть, и с секундами, одного из двух дуэлянтов не будет в живых. Кто такой фон Келлерман — ему неизвѣстно, кто пр. Нечаев — тоже неизвѣстно. Извѣстно то, что пр. Нечаевъ — двадцати-трехъ лѣтній гер-

кулес, храбрый, мужественный, сильный. Таков, вѣроятно, и Келлерман. И одного из них завтра, послѣ семи утра, не будет. Почему истребляется не гнило-плазматическое, а отсюда, и труслиgalиво-мерзопакостное существо, а гибнет богатырь? И почему в семь часов? Не в двѣнадцать, не в четыре пополудни, а в семь? Так что же это, чорт возьми, рыцарство или варварство? Схватка, азарт, вспышка гнѣва — это допустимо. Но холодный разсчет, это спокойствіе: будьте, дескать, столь любезны и добры приготовиться к смерти завтра в семь утра — это уже чорт знает что такое! Во что обойдется, чего стоит ожиданіе, от настоящаго момента до утра? С каким страшным реализмом классиками описаны думы и переживанія их героев перед поединком. Завтра в семь! А как дождаться, как дожить до семи? И это ужасное андреевское:

— В час дня, Ваше Превосходительство.

Вот эта моя нога завтра... послѣ семи... будет уже разлагаться. Фу, кошмар! Ужас! А за нѣсколько верст отсюда, по ту сторону окопов семи утра ждет еще один человѣк. Не скотина, а человѣк... с гербами на крагах. Дѣйствительно, чорт знает, что такое!...

Изаев запрокинул кверху голову. Над ним, как гигантскій купол храма, синѣл небесный свод, глубокій, прозрачный, бездонный. Зажигались звѣзды.

— А завтра один из них... да что это со мною? — изумился Изаев, — так можно и с ума сойти. Это я так волнуюсь. А они?

И у Ивана Ивановича появилось не желаніе, а необходимая потребность увидѣть и поговорить с Нечаевым.

Повернув к палаткам, Изаев издали замѣтил его у опушки лѣса, всматривающагося в первыя звѣзды.

— Прощается! — почему-то подумал Изаев. — Может быть, послѣдній вечер... Илья Антонович! А, Илья Антонович! Міозданіем любуетесь? А?

— Сыростью потянуло. Боюсь за утренній туман.

— А если туман?

— Для мотора это не совсѣм хорошо?

— М-м-м!

Изаев взглянул на собесѣдника и подумал: — Один из нас не настоящій человѣк. Он или я. Чертовщина какая-то! Сейчас девять часов вечера, через десять часов — бой, а он говорит... о моторѣ! — и вслух добавил:

— Илья Антонович, о чем вы сейчас мечтали? — И снова подумал: — Вмѣсто того, чтобы разсѣять, чтобы отклонить мысли об утреннем поединкѣ, я, как нарочно, наталкиваю...

Нечаев отвѣтил не сразу.

— Я не рискую вам показаться смѣшным, потому что вам, как журналисту, вѣроятно,

приходилось самому наблюдать или слышать о странных и необъяснимых явленіях в нашей жизни. Говорю о себѣ. С восемьнадцати лѣт я не раз смотрѣл смерти в глаза; во время облавы на медвѣдя, падал на Фарманѣ — Четверкѣ и на Парасолѣ. Ощущенія, я сказал-бы, сильныя, но ни одно событіе, ни одно происшествіе не врѣзалось мнѣ так в память, как один маленькій, совсѣм маленькій случай.

Три года тому назад, в Екатеринбургѣ, еще студентом горнаго института, в один морозный вечер я пробирался по окраинѣ города домой, в лачугу желѣзнодорожнаго слесаря, гдѣ я, по стратегическим соображеніям матеріальнаго характера, снимал нѣкоторое подобіе комнаты, не клѣть, не чулан, а нѣчто среднее арифметическое.

Была пасмурная погода. Неистовый вѣтер пронизывал насквозь.

На пустырѣ, рядом с крыльцом дома, в мусорном ящикѣ рылся лохматый, с потрепанной шерстью, голодный пес.

Я остановился и свистнул, подзывая его к себѣ. Повидимому, привыкшій только к побоям, пес посмотрѣл на меня и с визгом бросился в сторону. У своей квартирохозяйки я взял кусок хлѣба и вышел на улицу.

Пса не было.

Я обошел весь пустырь, ходил по ближайшим улицам, осмотрѣл станцію и поселок.

Пес, как в воду канул.

Вѣтер выл. Злобно, яростно.

На другой день и в послѣдующіе, я продолжал поиски, но безо всякаго результата.

С тѣх пор, очень часто, я вспоминаю лохматую морду и испуг голоднаго, затравленнаго пса. И, знаю я, что этот песій укор я буду вспоминать до конца дней своих.

— Но при чем же тут песій укор? Вы не бросили в него камнем, а вышли к нему с цѣлью накормить его, движимый, ну, как бы, чувством состраданія, что-ли.

Пр. Нечаев пожал плечами.

— Один из нас — ненормальный! — снова подумал Иван Иванович.—Жалѣть, что гдѣ—то, когда—то, не удалось накормить пса и, не задумываясь, вызвать на убійство — человѣка.

Гдѣ же логика?

Взглянул на Нечаева.

Взглянул, и не узнал его.

Был прапорщик немного выше средняго роста, а сейчас он упирался головою в молодой серп луны и плечами заслонял пол - неба. Маленьким, до жути микроскопическим, слабым и безпомощным почувствовал себя Изаев. Кто же стоит рядом с ним? Миф или фантом? Атлант, удерживающій на своих плечах земной шар? А, может быть, не земной шар, а держит Нечаев на плечах... Россійскую Имперію?

Иллюзія была нарушена окриком вѣстового: — Прапорщик Неча - а - е - еф...ин Иза-а - е - е - э - э ! ...

— Ого - го - о - откликнулся Иван Иванович.

— К командиру - у - у ...

Молча, нога в ногу, пошли по лѣсной опушкѣ. Когда повернули к палаткам, Изаев пристально посмотрѣл на своего спутника. Нѣт! Нѣт Нечаева! Рядом шагал незнакомый ему колосс, непонятный и загадочный.

—Уж не существует - ли в дѣйствительности перевоплощеніе? Вмѣсто прапорщика, может быть, идет рядом с ним Петр Великій. Или Святослав? Всматривается Изаев в своего сосѣда. Нѣт, не бритый череп и чуб за ухом, а разметанные вѣтром бѣлокурые волосы.

— Скиф ! ! . — вдруг догадывается и пугается Иван Иванович.— Он, он самый! Мой пращур. Гигантскій, чудовищнаго роста, безстрашный и могучій, неколебимый и грозный, бѣлокурый, голубоглазый Скиф.

***

В палаткѣ командира адъютант отряда сообщил, что полковой священник прибудет только послѣ пасхальной заутрени, приблизительно в 50-30 или в 6 часов утра. Богослуженіе

будет совершено в лѣсу на лужайкѣ, за бензиновым складом. Всѣм офицерам и чинам отряда быть готовыми к 5 - 15 утра.

Послѣ того, как командир отпустил всѣх, в палаткѣ остался Изаев.

— Рюмку водки, хвост селедки и кружку добраго кофе?—предложил командир.

— Благодарю, не откажусь.

— Ну-с, господин Изаев, выкладывайте—ка, что это стряслось с вами неладное?

— Вы прозорливы.

— Так, говорите. Слушаю.

— Вы, я вижу, абсолютно спокойны.

— То есть? Вы - о Нечаевѣ, кажется?

— Да. О нем.

— Ну, и что же?

— Да как это — что же? На наших глазах происходит сцена из сумасшедшаго дома, разыгрывается первобытный, звѣрскій акт, на карту ставится жизнь несомнѣнно лучшаго человѣка, а вы спрашиваете—что же? Может быть я отстал от жизни, может быть, перегнал, не знаю, но я спрашиваю не как, журналист командира авіаціоннаго отряда, но как интеллигент интеллигента: я — сумасшедшій или вы, всѣ фронтовые, всѣ военные? Я достаточно образован, много читал и, читая переживал, много путешествовал, сталкивался с литераторами и сам — литератор, словом, человѣк своего времени, не отсталый. Но как

понять, как переварить все происходящее? В романах, повѣстях и разсказах, в стихах и в прозѣ описываются тяжелыя переживанія дуэлянтов наканунѣ поединка, их надежды и сомнѣнія; они вспоминают прошлое, пишут прощальныя письма, многіе раскаиваются в своей глупости и, послѣ безсонных ночей, выѣзжают на мѣсто дуэли больными физически и, главное, психически. Это мнѣ хорошо было извѣстно с давних пор. Сейчас же, в жизни, столкнувшись с пр. Нечаевым, я, как говорят у вас, разбит по всѣм фронтам. Теоріи, законы, аксіомы — все полетѣло к чертям! И жаль и досадно, что введенный в заблужденіе, я до сорока пяти лѣт жил ослѣпленным, проглядѣл самое интересное.

— Что случилось?

— Пр. Нечаев завтра дерется?

— Да, в семь утра.

— Так вот, этого дуэлянта я видѣл час тому назад в полѣ, наблюдающим за звѣздами. Естественно, я подумал, что он, как человѣк религіозный, или молится или прощается с жизнью. А он и изрекает:— Сырость меня безпокоит. Завтра—говорит—мотор плохо будет работать...

— И вы поражены? И разбиты?

— Вдребезги.

— Вы, конечно, увлекались переводной литературой?

— И в подлинниках.

— Это видно!

— Что вы видите?

— Вижу, что вы, как и я, самый натуральный современный интеллигент.

— ? !

— Не удивляйтесь. Русская интеллигенція молится своему кумиру—Западу.

— Предположим. Но, какая связь Запада с прапорщиком Нечаевым?

— Вот именно этой—то связи и нѣт у Нечаева, а я, как и вы, заражены, как чумой, отравлены, как ядом. Запад чужд нам и непонятен: рай без внѣмірового бога, война — варварство, братство народов, эгалитэ и тому подобная галиматья! Однажды, в самом началѣ войны, (я еще был в пѣхотѣ), стоим мы, как—то, в лѣсу на молитвѣ перед боем. И мерзкая, знаете—ли, такая раздвоенность. И вопросы мерзкіе: есть или нѣт, да или нѣт? А вдруг — нѣт! Смотрю: справа от меня, отставив ружье, правофланговый солдат на колѣни становится. Посмотрѣл ему в глаза и чувствую, что он всѣм существом своим, всѣм нутром вѣрит. Лицо — полное спокойствіе, и нѣт признаков нашей подлой интеллигентской раздвоенности. Таким мой солдат и был до конца боя: спокойный, твердый, устойчивый. Ни растерянности, ни отчаянія. Для меня же этот бой стоил огромных усилій воли,

чтобы не потерять самообладаніе, чтобы не показать другим охватившую меня робость. А почему, спросите вы? Потому, что однажды прочел в пацифистской книжонкѣ описаніе одного боя, во время котораго модный герой задавал себѣ вопросы: — «Не в меня — ли этот снаряд? Не в меня — ли эта пуля?» И представьте, эти вопросы пришли и мнѣ в голову. Я слышал гул снаряда и говорил себѣ:—Вот этот снаряд — в меня! А вот этот уже обязательно не промажет! Представляете? Представляете себѣ такого вояку, в распоряженіи котораго полтораста человѣческих жизней, и в головѣ шевелятся подобные вопросики?

Только значительно позже я взял себя в руки и с большим трудом перевоспитал интеллигента в солдата. Взять себя в руки—я взял, но от змѣиных вопросов не избавился: нѣт, нѣт, да и выползет эта погань в рискованную минуту.

Гонялись мы за западом, догнали, и идем одной дорогой: в лабораторіях плѣшивые лбы напрягают свои мозги над проблемой самозарожденія, поэты дописались до «Облаков в штанах», художники дорисовались до того, что когда смотришь на их шедевр, то не знаешь—правильно висит картина или вверх ногами? Все вверх ногами: трусость—благородное чувство самосохраненія, доблесть — глупость, подлость — добродѣтель. За

рубль можно усыпить и честь и совѣсть.

С Запада всѣ прелести эти! Гніет он, Запад, разлагается, смердит! А мы все еще подражаем ему, все еще слѣпы, все еще в потемках. Разбились, разсыпались, распылились. Один—баптист, второй—атеист, третій—хлыстовец, четвертый—толстовец, пятый— индивидуалист, шестой — коллективист, седьмой — позитивист, восьмой — марксист, девятый — анэмик, у десятаго вчера нос провалился, а одиннадцатый—форменный идіот. Это—Запад! Его штучки, его фокусы. Гуманисты, непротивленцы ... А придет новый Чингис—Хан и сбросит без сопротивленія всю эту мразь с континентов Европы. Не пророк я, но, повѣрьте, так и будет! Гнать, помелом гнать нужно всѣх этих западников: иммортаталистов и псевдо—моралистов. И меня и вас гнать нужно: оба с подгнившей начинкой. Не мудрено, если встрѣтим настоящаго человѣка, то ахаем и удивляемся. А настоящій человѣк, я думаю, в данный момент, не касаясь міровых задач, озабочен только мотором. Желаете провѣрить?

— Охотно,

— Пошли к нему. Не поздно еще, пожалуй? На хронометрѣ — 10 - 30 минут. О, какая темная, непроглядная ночь! Будьте осторожны: под ногами валежник и о вѣтви можно глаза выколоть. Идите за мной, сейчас налѣво ... вот

и его палатка. Тс-с-с! Слышите?

Спит.

— Храпит!

— Как эскадрон лошадей! — засмѣялся командир.

***

Так мы — западнички? Гнилушечки? С подгнившей начиночкой? Тэк—с, тэк—с, тэк—с!— врочался с боку на бок на походной койкѣ Иван Иванович. — Помелом гнать вас нужно? Тэк—с, тэк—с, тэк—с! А если мы всѣ выйдем на заставу богатырскую, во что же мы превоératимся через тридцать, пятьдесят лѣт? Хвост отрастет, шерстью покроемся, забудем рѣчь человѣческую, будем тявкать, гавкать и рявкать по звѣриному. Конец прогрессу, цивилизаціи, культурѣ. Сначала Перуну, а потом огню поклоняться будем. За что же гнать нас отсюда? Нечаевы дерутся, Изаевы пишут книги, врачи в селезенках разных копаются и клизмы ставят, поэты облака в штанах воспѣвают, пирожники пироги пекут, сапожники тачают сапоги. Раздѣленіе труда. Все дѣйствительное—разумно.

И, успокоив себя, умиротворенный Иван Иванович поднимается с постели и выходит на аэродром. Но гдѣ же ангары и палатки?

Перед ним во всѣ стороны разстилается

безкрайняя, необъятная степь. Невысокій холм в нѣскольких шагах от него и на вершинѣ холма — простой деревянный крест, обросшій у основанія мхом. Темныя, грозовыя тучи заволокли все небо.

Идет на этот холм Иван Иванович и осматривается. Куда ни взглянет он, всюду клубы дыма к небесам поднимаются, точно земля горит. Смотрит он на восход солнца и видит чудовище неслыханных размѣров. С виду, будто-бы, и человѣк, но росту непомѣрнаго. К нему приближается, страшное и грозное. Оглядывается Иван Иванович, куда бы спрятаться, и кричит от ужаса: сзади него, не дальше, как в полу—верстѣ, цѣлая армія таких же огромных чудовищ, но еще гаже, еще омерзительнѣе перваго.

Ближе и ближе подползают, смотрят на него бѣлесоватыми глазами, вот—вот схватят его и приходит Ивану Ивановичу смертный час. С остановившимся сердцем подбѣгает он к кресту и обхватывает его обѣими руками. И вдруг, заколебалась земля, разсыпался холм на тысячи глыб и поднялся оттуда дивный богатырь в шлемѣ, в кольчугу и броню закованный. Ухватился богатырь за тяжелую палицу и вступил в бой с чудовищами. Вмиг окружили его со всѣх сторон, набрасываются, но свистит в воздухѣ палица, наносит страшные удары и замертво падают страшилища, шипят, извива-

ются, как змѣи. Много уже их перебито, как горы чернѣют по всей степи, но все еще много их и устает богатырь; передал палицу в лѣвую руку, бьется лѣвой рукой и снова наносит сокрушающіе удары. Помочь бу ему, но как и чѣм может помочь Иван Иванович? Он— пигмей.

Изнемогает колосс, отступает, бьется из послѣдних сил. Вот еще повалил одно чудовище, вот и другое падает. Помочь, помочь немедленно!

Вдруг пошатнулся богатырь и припал на одно колѣно ... Смотрит на крест.

Видит Изаев бѣлокурую бороду, глаза небеснаго цвѣта и лицо, ровно из камня высѣченное. — Скиф! Нечаев!! — кричит Иван Иванович и просыпается, облитый холодным потом.

***

— Говорил тебѣ: не спи на лѣвом боку! — ворчал на себя Изаев. — Как ляжешь на лѣвый бок, так обязательно всякая чушь приснится. Ишь, раскидал одѣяла и подушки, как будто сам дрался с этими гадами. Ах, и страшные же, черти! А я так и не помог ему? Да, собственно говоря, я двадцать пять лѣт кромѣ пера и карандаша ничего и в руках не держал. Не пойдешь же в атаку с самопишущим пером?

Фу, какая чушь лѣзет в голову! Эх, стыдно, Иван Иванович! Литератор—западник и — атака с самопишущим пером. Нѣт, не умно, не умно...

В предразсвѣтных сумерках смутно обрисовался дерновый вал палатки. Изаев одѣл на босыя ноги штиблеты, набросил на плечи пальто и, поеживаясь от холода, выглянул за полог.

Сѣрое поле. Синій лѣс. Изумрудное небо. Три мазка, в три краски.

Смѣшанный лѣс благоухал ранними цвѣтами, почками и хвоей.

Петроградскій житель, Изаев замер на мѣстѣ, очарованный красками утра. Стоял, раскрыв рот, и вдыхал полною грудью живительный воздух до головокруженія.

— Боже, как красиво, как хорошо! — вырвалось у него и вдруг — померкли краски и упало настроеніе: у ангар смѣнялся караул. Из—за группы деревьев показались вооруженные люди.

— Красота, тишина и...винтовка, — размышлял Иван Иванович. Гармонія, нечего сказать! Приложить эту винтовку и—бац! Выскакивает маленькая свинцовая штучка, пролетает разстояніе и, в результатѣ, Гаврюшка или Михрютка, Ганс или Оскар, отправляются ad patres. Чертовская гар - р - рмонія, нечего сказать. Эй, как тебя там, Гаврюшка или Михрютка! Эй, вѣстовой, подъем что—ли?

— Так точно, подъем. Пять часов.

Денщик скрылся в сосѣдней палаткѣ.

Иван Иванович вернулся к койкѣ и, поспѣшно одѣвшись, направился умываться.

В лѣсу, у ручья, перед его глазами развернулась обыкновенная и уже знакомая ему картина: весь отряд в костюмах Адама. Кто на одной рукѣ продѣлывал сальтомортале, кто, как на турникѣ, выжимался на сукѣ дерева, купались, брились. Стоял такой невообразимый шум и гам, что, казалось, вмѣсто пятьнадцати человѣк, здѣсь, по крайней мѣрѣ, неистовствует цѣлая рота..

— Ку-ка-ре-ку-у-у!

— Гав, гав, гав!...

— Берегись, чортушка...

— Господа, корнет брюшко отпустил...

— Мяу, мяу, мяу!..

— Гаврила, кипятку! Есть?

— Два вядра, ваша благародія.

— Гдѣ бритва?

— Туточка, на корню ляжить.

— Мишенька, утопаю ...

— Бр-р-р-р!...

— Хрю-хрю-хрю!...

— И-и-и-и-и-и...

— О-о-о-о-о-о...

— У-у-у-у-у-у...

— Ы-ы-ы-ы-ы-ы !!!

Тут же, гдѣ-то под ногами, невидимый граммофон оглушал мощными звуками торжественнаго марша.

Изаев подошел к ручью и начал умываться.

В серединѣ неглубокаго естественнаго бассейна, в ледяной водѣ, весь в мыльной пѣнѣ, спиной к берегу стоял один из купающихся. Безцеремонно обрызгивая окружающих, он жестоко бил себя свитым в жгут мокрым полотенцем.

Нѣсколько раз погрузившись с головою в воду, любитель сильных ощущенiй вышел из бассейна.

Иван Иванович узнал Нечаева и окрикнул его:—Илья Антонович, вѣер не нужен—ли?

— Здравствуйте. Нѣт, благодарю. А вы почему не купаетесь? Вода — лед. Ух, красота! Чувствуешь себя новорожденным.

— Не хочу быть новорожденным.

— Жаль. Хотя бы раз окунулись?

— Боюсь за почки.

И замолчал, устыдившись. Вспомнил слова командира о гнилой начинкѣ. Прямо в зрачек ткнул его благородiе. Эх, прав он, командир: и снаружи и внутри — все гнило.

— Гнилушечки! — разозлился Иван Иванович.—А Нечаев? Гдѣ Нечаев?

Среди нагих тѣл, Изаев не сразу отыскал Илью Антоновича. Всѣ были похожи друг на друга, всѣ были удивительно одинаковы, ничѣм один от другого не отличаясь.

Походит Нечаев и вот на этого подпоручика, с самым серіозным лицом исполняющаго сейчас танец живота, похож он и на тѣх двух летчиков, перебрасывающихся комьями грязи. Вымазались, как черти. Напоминает и мичмана, который, искусства ради, забросил ногу за голову, а снять обратно не может.

И смѣх и слезы Ивану Ивановичу!

Чужой он человѣк здѣсь, каким-то клином вошел в неизвѣстную, малопонятную ему среду, отщепенцем себя чувствует, лишним и ненужным. Не «отцом» среди «дѣтей», а пришельцем, даже прохожим, страшно, страшно чужим. Вот пройдет он мимо отряда, и куда дальше направит путь свой? Некуда итти ему, в тупик забрел, а возвращаться—ломать себя, ломать все до основанія!

Подавленный и обезкураженный, Изаев мысленно сравнивает себя с канатоходцем, у котораго на половинѣ дороги отняли шест. Итти вперед или остановиться? И как долго можно балансировать на мѣстѣ?

Иван Иванович искренно обрадовался приходу дежурнаго офицера. Оборвались невеселыя думы и приняли новое направленіе:—При-

шел один человѣк из «той» среды, такой же офицер, как и всѣ, но только с одним двадцатичетырех-часовым прилагательным — «дежурный». Остановился этот дежурный офицер по ту сторону ручья, не сказал ни слова, а молча стукнул пальцем по своим часам-браслету и взмахнул перчаткой. Взмахнул и измѣнил всю картину. О, как засуетились, как бросились всѣ одѣваться. Поразительная штука эта дисциплина. Хаос, тире, порядок. Между тѣм и другим переброшен мостик — дисциплина. Дисциплина мысли, тире, долг. В интервалѣ — знак равенства, плюс, минус — совѣсть. В итогѣ — Держава Россійская.

Лаконизм, отчетливость, опредѣленность. Дис! Цип! Лина! «Прапорщик Нечаев, будь безличным!» «Слушаюсь.» «Приготовь из Михрютки убійцу!» «Слушаюсь.» «Корми собою пол-гарнца насѣкомых!» «Слушаюсь.» «Умри, прапорщик!» «Слушаюсь.» «Награда тебѣ — общая могила и на труп твой — георгіевскій крест.» «Рад стараться, покорно благодарим!»

Потрясающе!!!

И нѣт дисциплинѣ силы противодѣйствующей.

Интересно бы прощупать Нечаева: чѣм он дышит? Каков его умственный багаж, каково міровоззрѣніе, как он смотрит на войну и на свою роль в государствѣ? Илья Антонович! А, Илья Антонович!

Но кругом никого, кромѣ денщиков, не было.

Медленно побрел Изаев к своей палаткѣ и за бензиновым складом нашел весь состав отряда. Перед свѣжевыстроганным налоем, священник в бѣлой ризѣ уже совершал богослуженіе. Дребезжал старческій голос, стройно пѣл солдатскій хор. Отряд, как на парадѣ, был при орденах; блестѣли золотые кортики, яркими пятнами выдѣлялись красные темляки.

Вершины деревьев начали окрашиваться в оранжевые тона.

Всходило солнце.

Со стороны аэродрома раздалось «чиханіе», выхлопы и, вскорѣ, ровное гудѣніе мотора. Гул приближался, усиливался, как-то сразу обрушился сверху и над головами, как метеор, сверкнул и скрылся серебряный силуэт Ньюпора.

— Та — стукнул пулемет.

— Та-та-та...— застучал снова.

— Та-та-та-та-та....— разсыпалась по лѣсам очередь, повторенная громовым эхо.

Все стихло.

— Проба мотора и пулемета; 6 часов. — вспомнил Иван Иванович и взглянул на часы.— Как в аптекѣ.

— Христос Воскресе!.. радостно грянул хор и весь отряд, выстроившись в шеренгу, справа

по одному начали подходить к кресту и христосоваться с командиром.

— О. Николай, господин Изаев, господа офицеры, мотористы и команда, командир просит к столу! — суетился адъютант. — Нѣт, нѣт, батюшка, в автомобильную роту вам еше рано, вам к семи, а сейчас только шесть и четыре. Пожалуйте вот сюда, по этой тропѣ.

На небольшой лужайкѣ, сколоченный из длинных досок, пасхальный стол рѣзал глаза чистотой скатертей и салфеток. И чего только на столѣ не было: и дичь, и поросята в сметанѣ, и разстегаи, и кулебяки, сыры и икра, томаты, соуса. А бутылки? Только на то, чтобы прочесть одни этикетки, пожалуй, потребовался бы не один час.

Адъютант усадил священника на предсѣдательское мѣсто в прединѣ стола и сказал присутствующим: — Господа, садитесь, гдѣ кому нравится, только оставьте одно мѣсто для командира рядом с о. Николаем и два — по другую сторону стола для пр. Нечаева и... его... попутчика.

— А гдѣ начальство и еще двое? — спросил священник.

— Они переодѣваются. Через пол-часа им летѣть, — отвѣтил адъютант. — Командир просил его не ждать, почему мы сейчас и приступим. Так, господа, сдѣлаем по пыжу и пропустим по единой.

Изаев сѣл рядом с пустым прибором, взял на тарелку кусок ветчины, потянулся за графином, но не взял его, сѣл на мѣсто и опустил руку.

Не хотѣлось ни пить, ни закусывать.

За спиною послышался громкій разговор и раскатистый смѣх. Командир, Нечаев и подпоручик, утром исполнявшій танец живота, в полетных костюмах с куртками на руку, подходили к столу.

— Сидите, продолжайте! — крикнул командир, видя, что отряд поднимается навстрѣчу. — Вы, Илья Антонович, сядете против меня, я — с о. Николаем, а вы — рядом с пр. Нечаевым.— обратился он к подпоручику.

— Пожалуйте, Илья Антонович, рядом со мною, — пригласил его Изаев. С чего же начнем? Не с поросеночка-ли?

— О, нѣт, сейчас не могу, г-н Изаев. Я попрошу себѣ только одну кружку, самую большую кружку кофе. Вы не обращайте на меня вниманія, выпивайте и закусывайте на здоровье. Разрѣшите-ка налить вам рябиновки?

— Благодарствую. Хочу с вами чокнуться.

— Чокаюсь... кружкой кофе. Христос Воскресе!

— Воистину! Вы, я вижу, добрый христіанин? — разставил ловушку Изаев.

— По мѣрѣ сил своих стараюсь быть им.

— Сирѣчь, поскольку война разрѣшает вам быть христіанином. Не так-ли?

— Война — не запрет.

— А кто — барон Келлерман? Животное вредное, дикарь, наконец, фетишист, огнепоклонник?

— Христіанин.

— А вы?

— Тоже христіанин.

— Во имя чего же вы убиваете своего ближняго?

— Во имя войны.

— То — ли заповѣдал Христос?

Нечаев отставил кружку в сторону и вопросительно посмотрѣл на собесѣдника,

—О-о, я понимаю вас, Иван Иванович. Мы конечно не должны проливать кровь. Но почему вы задаете этот вопрос мнѣ? Чѣм прямѣе, тѣм ближе к цѣли, не правда-ли? Вы владѣете нѣмецким языком. Почему вы с данным вопросом не обратитесь к Гинденбургу или к нѣмецким солдатам в их окопах. Разстрѣляют! За что? За проповѣдь слова Божія или за разложеніе арміи? Предположим, что мы, русская армія, послушались вас. Задѣлались непротивленцами, бросили винтовки. Что тогда получится? Нас завтра отбросят за Урал, непокорные лягут костьми, а вы, проповѣдники, или снова превратитесь в кочевников или пойдете на галеры.

Не грезите-ли вы Соединенными Штатами Европы? Или федерацiей?

Найдите мнѣ одного англичанина, одного нѣмца или француза, который сказал бы, что он — равен русскому? С фонарем не отыщете! Русскiй — это низшая раса, низшiй ранг. В захваченных в бою приказах главнокомандующаго австро—венгерскими армiями генерала Конрада, мы, русскiе, даже под этим почетным именем не значимся. Конрад пишет: «На линiи Томашев — Злочев «эта сволочь» уже отступает. Позабыли они, что «эта сволочь» сто лѣт назад спасла от окончательнаго разгрома их благородную нацiю! И, одновременно, с подобным приказом генерала Конрада, вы мечтаете о братствѣ народов?

Федерацiя? Знаю, знаю, что зародилась эта идея о федерацiи тотчас же послѣ присоединенiя Ферганской области. Пора! Россiя на берегах... Инда! Есть о чем позаботиться, есть о чем призадуматься! Россiя с выходом в Индiйскiй Океан! Дла кого это страшно? Кому это угрожало? Поэтому офицеры флота Его Величества и экспедицiонных войск в Индiи в кают-компанiи и разрѣшили проблему расчлененiя Россiйской Имперiи на сорок три значительныя по размѣрам автономныя области, по количеству языков и нарѣчiй.

Под видом революцiонной борьбы, за освобожденiе подъяремных народностей из-под ига

Россіи, англичане задались цѣлью без выстрѣла обезоружить опаснаго сосѣда - и избавиться от его посягательств на Индію.

Послѣ длительной подготовки, на поприщѣ борца за новую идею выступил наш достославный Герцен. В программу входило: отдѣлить Финляндію, Польшу, Бессарабію, Кавказ, Крым, Украйну: образовать новыя распублики: в первую очередь—Сартскую, Татарскую (Каспійское море и нижнее теченіе Волги), Башкирскую, Бурятскую, Киргизскую, Чувашскую и другія, оставив нам Московію или выгнав за Урал.

Тянули меня в партію, но бѣжал я оттуда, так как в революціонных партіях Россіи ничего нѣт, кромѣ волчьих ям, выкопанных иностранными государствами и замаскированных гуманистическими фиміамами. А с нашей стороны — наше славянское, разухабистое позерство.

Тот же Герцен! Изнемогал от любви к ближнему и не спас от голодной смерти туберкулезнаго Бѣлинскаго.

Видѣл, знал, но не раскрыл туго набитый кошелек?

Одна поза, одни слова! А Толстой? Любовь, опрощеніе, непротивленчество? Безподобный позер! Вот он снимается босой, в холщевой рубахѣ. Вот он позирует за сохой. А, по моему, созвал бы он к себѣ каких нибудь погорѣльцев и сказал им: «Берите, дѣти мои, мое имѣніе и земли, а я не для фотографическаго ап-

парата разуюсь и подержусь за соху, а на себѣ покажу вам примѣр опрощенія: становлюсь я крестьянином - пахарем и в потѣ лица своего буду добывать хлѣб».

— Но вы позабыли: «Поступай по моим совѣтам, но не бери примѣр с меня».

— Э, бросьте, Иван Иванович! Сейчас только примѣр, голый примѣр нужен, а рот можно зашить за ненадобностью. Предположим, выведу я роту солдат и скажу им: «Братцы, спасайте Родину! Вы идите в атаку и бейтесь смертно, а я посижу здѣсь в блиндажѣ, чтобы меня не убило.» Так, кажется, выходит по вашему изреченію?

А так как старая прудоновская истина до сих пор остается незыблемой, то под всѣми радужными лозунгами нужно различать нам, русским, один девиз из латинской хрестоматіи: «Devorabo te, nam ego - magnus!» Но я не желаю быть проглоченным и потому — защищаюсь.

— Вот—вот!—обрадовался Изаев. —Для того, чтобы на вас не нападали, нужно поднять общій культурный уровень.

— Не вѣрю! Культурный уровень с каждым столѣтіем понижается. С каждым столѣтіем міp становится болѣе и болѣе подлым. Вы посмотрите: всѣ величайшія открытія примѣняются для истребленія человѣчества: раньше били по черепам дубиною, потом начали метать стрѣ-

лы, сейчас травят газами и бактеріями, а через сто лѣт тепловой луч будет превращать в пепел цѣлыя государства с арміями и населеніем.

— Тэк, тэк, тек! — привскочил Иван Иванович. — Вот мы и договорились: вы тоже против истребленія народов? Слѣдовательно, вы тоже против войны!

— Против истребленія народов? Да, но не против войны. Нѣт, никогда не скажу я этого!

— Но, вѣдь, война и есть истребленіе народов?

— Иван Иванович, чтобы не забрести нам в казуистическія дебри, отвѣчайте мнѣ прямо: вы можете завтра прекратить войну?

— Нѣт.

— Можете вы опредѣленно сказать, что через десять - двадцать лѣт войны не будет совершенно?

— М-м-м...

— Вы примете на себя отвѣтственность заявить, что через пятьдесят лѣт на земном шарѣ не будет ни броненосца, ни танка, ни пушки, ни винтовки?

— М-м-м!...

— Вот поэтому, если у меня будет сын, я прежде всего воспитаю в нем солдата.

— Для истребленія?

— Ах, опять вы! Для самозащиты.

— И...христіанина?

— Обязательно.

— Оригинально!

— Все чрезвычайно просто. Хирург, для спасенія вашей жизни, отнимает вашу гангренозную ногу. И вы кричите: «Благодѣтель!» Мы, армія, такіе же хирурги: не предпримем мѣр своевременно — организм, Родина, гибнет. Мы — вандалы. Почему? Вы, Иван Иванович, не будете колебаться, когда уясните и убѣдите себя, что война — неизбѣжна. Неизбѣжна сегодня, завтра, через сто и тысячу лѣт! Отсюда, мы всегда должны быть готовы к отпору, к войнѣ.

Неужели вы думаете, что мнѣ пріятно раскраивать черепа противников, когда я вижу, как они умирают? Потом я вижу их изуродованныя тѣла послѣ того, как они разобьются об землю при паденіи. Ужасныя картины, Иван Иванович! Ужасныя и...неизбѣжныя. А если неизбѣжныя, то мы должны готовить бравых солдат-защитников, а не расписывать ужасы войны, чтобы в завтрашнем столкновеніи участвовали стойкіе солдаты, а не психическіе плазмоиды.

— А третейскій суд?

-- Пощадите, Иван Иванович! Для нас, русских, не третейскій, а Шемякин суд.

— В общем, по вашему, нѣт иного выхода?

— О, выход есть. Но не ваш неладно скроенный сен-симонизм, не подтасованная трехвостая гегелевщина, а христіанство, точнѣе, наше православіе, пока еще Западу неизвѣстное, еще мало нами осознанное, еще неизвѣданное.

Раньше я, как и вы, искал Бога, как и вы, петлил по заячьи. Вы и сейчас петлите и не находите. А Он тут, рядом, вездѣ, куда вы ни взглянете, стоит во весь Свой гигантскій, непревзойденный рост. И нельзя пройти мимо: настолько Он велик.

— И вы нашли Его?

— Нашел и видѣл.

— Даже видѣли?

— Да. Однажды. Когда умирал.

Разговор был прерван. На аэродромѣ загудѣли моторы.

Прапорщик Нечаев поднялся из-за стола, накрыл свою кружку салфеткой и позвал денщика: — Ничего не трогайте до моего возвращенія. Пусть кофе остынет.

— Господа, рюмку за здоровье нашего дорогого гостя прапорщика Нечаева! — предложил командир.

— Пью за ваше, г-н капитан, и... разрѣшите итти.

— Двинулись вмѣстѣ.

Иван Иванович растерялся. — Так это — дѣйствительно будет бой? Неужели в дѣйствительности? Лѣс, утро, пасхальный стол, разговоры, шутки, даже смѣх и вот... Боже, как все нелѣпо, как неправдоподобно, как все ненужно! Ах, Нечаев, Нечаев! Христіанин и скиф, в одно и то же время. Боже, как чудовищно! Лихорадочный бред, удушающій кошмар!

— Господин капитан! — весь похолодѣв, вдруг закричал Иван Иванович.—Так неужели это серіозно? То есть, как бы это... ну, на самом дѣлѣ?... Так что же это? Уходит Илья Антонович, а я как? Я не останусь!... ни, ни... вы меня с собою возьмите. Иначе ни, ни. Никак! Вы уж возьмите, пожалуйста!

Командир посмотрѣл на Нечаева. — Как вы думаете: не будет-ли это нарушеніем условій?

— Штатскій в счет не идет. — улыбнулся Нечаев.

— Тогда скорѣе одѣвайтесь и скорѣе ко мнѣ, в заднюю кабину.

Спотыкаясь, Изаев побѣжал на аэродром к мотористам.

Одѣтый в мѣха и в шлемѣ, ремнями привязанный к пулеметному гнѣзду, Иван Иванович начал постепенно приходить в себя.

— Что это сказал Нечаев? Ах, да: «Пусть кофе остынет», значит, вѣрил, что вернется побѣдителем. Откуда у него такая увѣренность, такая сила; не наша, а первобытная, скифская сила? Сказал, как ударил, и раздвоил, разорвал меня на части. А тот, Келлерман? Тоже, может быть, оставил свой шнапс до возвращенія? И вот, оба сейчас схватятся. Скиф и Тевтон; желѣзо столкнется с желѣзом, воля с волей.

В переднюю кабину сѣл командир, в полетном платьѣ толстый и неуклюжій, как водолаз.

Посмотрѣл на приборы, поерзал в креслѣ и взмахнул рукой.

— Контакт!

— Есть!

Вмѣстѣ с оглушающим треском выпускных клапанов, из под капота вырвались мутные, зелено-желтые клубы дыма, обдавшіе запахом перегорѣвшей касторки. По глазам больно рѣзнула струя воздуха. Весь аппарат начал вибрировать.

— Не пожар - ли?—забезпокоился Иван Иванович.—Чего проще: глазом мигнуть не успѣешь, как сгоришь. Говорят: летчики до тла сгорают, пепла не остается. Дым, кажется, прошел, но это дрожжаніе мнѣ не нравится. Проволочки какія то в спичку толщиной, мѣдные мундштучки, палочки тоньше, чѣм в два пальца. Это и есть аэроплан? Хм, конструкція, нечего сказать! В воздухѣ развалится - костей не соберешь.

Мотор заревѣл громче, через секунду еще оглушительнѣе и, наконец, в общую какофонію рева, треска, грохота и звона влился новый переливающійся, звѣриный вой.

Машина сотрясалась с такой силой, что у Ивана Ивановича от слез набухли глаза. Он вытирал их рукавицей — безполезно, и только часто мигая, мог кое-что разсмотрѣть. Пригнувшись к козырьку, Изаев увидѣл, как командир

поднял руку, посмотрѣл по сторонам и мотор стал затихать.

— Навѣрное не полетим? — обрадовался Иван Иванович, но командир еще раз взмахнул рукою, подождал секунды двѣ-три и мотор свирѣпо заревѣл снова.

Толчек, другой, земля дрогнула, побѣжала, кресло пулеметнаго гнѣзда поднялось, еще три-четыре толчка и Изаев потерял точку опоры.

Взглянул вниз. Земля проваливалась под ним: сочная, свѣжая зелень лугов на глазах блекла и покрывалась сѣрым налетом, пашни принимали очертанія геометрических фигур. Через нѣсколько минут поверхность земли превратилась в вылинявшій на солнцѣ бархатистый ковер с затѣйливыми, несимметричными рисунками.

Аппарат сотрясало мелкой, ровной дрожью. Кресло нѣсколько раз уплывало вниз и временами Иван Иванович висѣл в воздухѣ на ремнях.

В душѣ росло чувство тревоги. Дрожь-ли аэроплана передавалась ему, или сказывались ощущенія перваго полета на быстроходной машинѣ, приближеніе-ли к фронтовой полосѣ, или предстоящій бой.

А гдѣ Нечаев?

Осторожно оглянулся. Никого нѣт. Один, не внушающій никакого довѣрія, вибрирующій хвост аэроплана.

Обернулся вправо и вверх - и даже отшатнулся в глубину своей кабины: над ним и в двух саженях в сторонѣ от него, покачиваясь, как на волнах, парил маленькій нечаевскій Ньюпор, а еще правѣе, на той же высотѣ, сверкала на солнцѣ машина подпоручика.

Изаев никогда не видѣл аэроплана снизу и с удивленіем разсматривал нижнія поверхности и колеса, с завязшими в осях травою и соломинками, облитый маслом капот и жидкій, до смѣшного неустойчивый на вид, стабилизатор, который от сопротивленія кривился и изгибался.

— Прогресс неважный! А вдруг весь прогресс держится, как и стабилизатор, на честном словѣ? Тогда опять назад, опять переламываться!

Подплясыванія трех аэропланов вызывало тошноту и Иван Иванович повернулся к козырьку.

Внизу, далеко, далеко впереди, темная лента, прихотливо извивающаяся, разрѣзала общую панораму на двѣ части. Уж не Висла - ли? Так и есть. Гдѣ-то здѣсь-наши, а по другую сторону — нѣмцы. Гдѣ же тут окопы? Как ни присматривайся — ничего нѣт. Никакой войны! Окопы, бои, героизм, страданіе и смерть

существуют в другом мѣстѣ, только не здѣсь, а внизу — мирныя поля, пашни и полное спокойствіе.

Спокойная, тихая лента Вислы, дальше за нею бархатный ковер тонул в фіолетовой дымкѣ, расплывчатая линія горизонта незамѣтно для глаз растворялась в голубом небѣ, а выше... выше, прямо над капотом маячили три черныя точки. Жуткія, непріятныя, сверлящія мозг точки.

— Они, они! — крикнул и показал рукою Иван Иванович, судорожно ухватившись за дугу турели. Крылья с лѣвой стороны повалились вниз, аппарат лег на бок и через секунду снова выравнился. Висла исчезла и появилась у праваго борта, почти под ногами. Исчезли и три точки.

Ньюпоры летѣли не в линію, крылом к крылу, как раньше, а гуськом, один аппарат в хвост другого.

Из пилотской кабины, не обращая вниманія на измѣрительные приборы, командир напряженно всматривался куда — то вправо, изрѣдка оглядываясь на нечаевскій Ньюпор.

Превозмогая нервный озноб, безпокойно осматривался и Изаев, чувствуя, что развязка приближается.

— На чьих - то часах стрѣлка подходит к роковой чертѣ. Кто сейчас, мертвый, свалится в эту ужасающую, головокружительную бездну?

А потом — треск об землю, пожар, и от Нечаева останется только ... рапорт о потерѣ и газетная строчка петитом в черной траурной рамкѣ. Почему: от Нечаева? — поймал себя Иван Иванович. — А почему не тот, тевтон? И куда он скрылся?

Снова Изаев осмотрѣл чистое, голубое небо, взглянул на землю и глаза задержались на еле видимых тонких силуэтах нѣмецких самолетов, в предательской расплывчатой полосѣ между небом и землею. Изаев, несмотря на охватившее его волненіе, замѣтил, что нѣмецкіе истребители не измѣняют своего положенія и постоянно держатся на одном мѣстѣ и на опредѣленной дистанціи. — Слѣдовательно — заключил он—мы описываем один и тот же круг.

Нѣмцы подошли к солнечной свѣтовой полосѣ, на нѣсколько секунд потерялись в ослѣпительных лучах и один за другим показались на темном, безцвѣтном фонѣ.

Командир рѣзко обернулся в кабинѣ и, чутьем управляя машиной, слѣдил за шедшим сзади Ньюпором.

Изаев весь превратился во вниманіе.

— Бьет час! — пронеслось в его головѣ. — Смертный час бьет. Для кого? Ах, это мучительное ожиданіе худшаго конца!

И снова отшатнулся в кабину: перед ним, показав свои національные бѣло-сине-красные знаки, встал Ньюпор, пустив хвост почти вер-

тикально, затѣм опрокинулся на правое крыло, повел капотом в центр круга и вдруг, до невѣроятности быстро, отстал от них, сдѣлался маленьким и сѣрым.

Только, сейчас можно было опредѣлить скорость, с какою летѣли Ньюпоры.

Сзади, на прежнем, неизмѣнном разстоянiи шел аппарат подпоручика.

— Вышел из круга, в бой. - нервно передернул плечами Изаев и впился глазами в нѣмецкiй, шедшiй впереди, аэроплан, который развернулся и пошел навстрѣчу Нечаеву.

— Ах, вон как! — разсвирѣпѣл Иван Иванович. — Эй, ты, тевтон, меченосец! А ну-ка, Скиф, вспомни, как бил ты их семьсот лѣт тому назад на берегах Невы и на льду Чудскаго озера!

— Р-р-р-р-р-р — слились двѣ пулеметныя очереди.

Сблизились машины, почти сшиблись, дрогнула одна из них, метнулась в сторону... разошлись, взметнулись в небо, перевернулись кверху колесами.

— Бей, стрѣляй, руби, коли, дави!—колотил кулаками по турели Изаев и оцѣпенѣл, застыл весь...

— Та-та-та-та... хлестнуло по барабанным перепонкам и один истребитель повалился вниз.

— Конец! Родился человѣк, воспитывался, учился, чего-то хотѣл, о чем-то мечтал и вот-

та-та-та-та, и — конец. Только четыре раза: та-раз, та-два, та-три и еще та-четыре.

Дальше, как чернильное пятно, как роман, обрывающійся в самом интересном мѣстѣ!

Изаев откинулся в кресло и закрыл лицо руками.

* * *

Прапорщик Нечаев, обождав выход нѣмцев из свѣтовой полосы, рѣшил напасть немедленно.

Положив ручку на правый борт и дав правую педаль, он вышел из круга.

— Попробую в лоб и на таран.

Непроизвольно встали цифры: встрѣчная скорость — 120 метров в секунду, пулемет 10 пуль в секунду, 12 метров разстоянія на пулю, на прицѣл и стрѣльбу одна секунда. Барон на Фоккерѣ? — замѣтил он приближающуюся машину. — Тѣм лучше: винт вращается вправо, вираж удобнѣе лѣвый. Таран — правый гош, можно без ноги, ручку на себя. Вниманіе! Прицѣл под шасси.

— Та-та-та-та- загремѣла очередь и Нечаев покрылся дымящимися линіями, как паутиной. Барон бил трассированными пулями.

Еще доля секунды... еще сотая секунды и, увѣренный в лѣвом кренѣ, Нечаев с силой кладет ручку вправо и в то же мгновеніе под его

колесами, как метеор, мелькнули колеса Фоккера.

Только сверхчеловѣческое самообладаніе и школа высшаго пилотажа спасли барона от гибели.

— Иммельман! — скомандовал Нечаев.—Лѣвый гош, рули нейтрально, скорость, максимум скорости, полный газ и ручка на себя.

Ньюпор взмыл в небо, как во время мертвой петли, опрокинулся колесами кверху, перевернулся через лѣвое крыло и... потерял скорость.

Под пулеметом показался Фоккер.

— Та-та-та-та- нажал на гашетку Нечаев и машина, без управленія, парашютируя, начала падать.

— Набрать скорость! Ручку вперед до карбюратора!

Барон выиграл. Но почему он молчит?

Ньюпор перевалился мотором вниз.

Впереди, в сорока метрах, снова появился Фоккер и... молчал. Висѣл в одном положеніи. В козырькѣ показалось спокойное, породистое лицо фон Келлерман.

Нечаев спикировал, набрал скорость, сдѣлал боевой разворот и вышел в хвост Фоккера. Прицѣл остановился на подушкѣ для обтеканія. Еще миг и Германія потеряла бы лучшаго своего летчика, но перед тѣм, как пустить в ход свой пулемет, Нечаев обратил вниманіе на по-

веденіе противника: барон, бросив управленіе, обѣими руками вытаскивал затвор пулемета.

Только тут догадался Нечаев, что фон Келлерман тоже продѣлал иммельмановскій переворот, тоже потерял скорость и падал листом и, к довершенію несчастья, на первой его очереди получился перекос пулеметной ленты.

Барон был безпомощен, как новорожденный ребенок.

Не колеблясь, Нечаев подлетѣл к нему и показал рукою на запад: лети домой.

Фон Келлерман понял жест, изумленно поднял брови, взял руку под козырек и оттолкнул ручку.

Фоккер нырнул носом, пошевелил рулями и оба истребителя разошлись в разныя стороны.

* * *

Сильно болтнуло, кресло поѣхало куда — то вбок и Иван Иванович очнулся от тяжелаго оцѣпенѣнія.

Подняв глаза, он увидѣл недоумѣвающее лицо командира. Только недоумѣвающее.

Воспрянувшій духом, Изаев выглянул за борт кабинки.

В полуверстѣ от них и значительно ниже к ним приближался нечаевскій Ньюпор. Пролетѣл мимо и сдѣлал знак слѣдовать за собою.

Круто развернулись и пошли уступами, один над другим.

Ровно солнце выглянуло из — за темных туч — разсѣялась хандра Ивана Ивановича. Чего же это он раньше впадал в такое унынiе, когда так хорошо кругом, так свѣтло и удивительно весело: Нечаев впереди покачивается, шаля элеронами, командир — олицетворенное недоумѣнiе. Чего тут недоумѣвать? Ясно, как гвоздь — мы побѣдили! А подпоручик? Как поживаешь? А? Подбалтывает тебя? То—то же! Это, брат, тебѣ не танец живота!

* * *

Машина коснулась земли и побѣжала к ангарам. С риском взмыть, командир от нетерпѣнiя потянул на себя ручку, прижал хвост к землѣ, затормозил и, едва аппарат остановился, спрыгнул с подножки и пошел навстрѣчу идущему Нечаеву. На опушкѣ стояла толпа. Ждали: сколько Ньюпоров вернется — три или два.

— Что произошло, Илья Антонович?

— Потеряли скорости, г-н капитан.

— Видѣл. Потом?

— Пулемет у барона отказал. Перекос ленты.

— И что?

— Едва не разстрѣлял его, да во время разсмотрѣл.

— Что?

— Магазин открыт. Барон вытаскивает затвор.

— Ну!

— Ну, я и отправил его домой.

Лицо командира попеременно выражало то гнѣв, то удивленіе.

— Илья Антонович, вѣдь он то не пощадил бы вас!

— Знаю, г-н капитан, но я...я не мог разстрѣлять его беззащитнаго.

Сурово и пытливо посмотрѣл командир в глаза прапорщику Нечаеву и вдруг просвѣтлѣл.

Улыбнулся, качнул головою и протянул обѣ руки.

— Пошли, Илья Антонович. Выпьем за славянскую натуру! А вы за что будете пить, Иван Иванович?

— За побѣду!

— Это неизвѣстно — кто кого сбил бы: шансы, вѣрнѣе, промахи были равные и одинаковые, — разсмѣялся Нечаев.

— Нѣт, вы побѣдили!

— Барона?

— Нѣт.

— Кого же?

— Меня! — мрачно и тихо, но четко бросил Иван Иванович.

* * *

В 11 часов дня, когда пиршество было в полном разгарѣ, с караульнаго поста у ангаров послышался предостерегающій крик: — Нѣмцы!

Командира за столом не было. Адъютант отряда быстро распорядился: — Встать под деревья! Скатерть долой! Замаскировать стол травою и вѣтками!

Не успѣл отряд приготовиться к неожиданному налету, как тот же часовой крикнул снова: — Одна машина!—и сверху донесся отдаленный гул мотора.

Желтый двухмѣстный «Бранденбург» сдѣлал вираж над аэродромом и полетѣл обратно.

— Берегись: бомба!

В командѣ начались разговоры.

— Не бомба: видно, как летит.

— Конечно; не бомба. Уж больно медленно падает.

— Это барон, в свою очередь, вызывает прапорщика Нечаева.

В сброшенный сверток газет и журналов был завернут золотой портсигар с гербом и вензелями.

Внутри, на вложенном листѣ бумаги было написано: «Через час улетаем на западный фронт. Барон фон Келлерман».

На внутренней сторонѣ крышки портсигара командир прочел неумѣло и наспѣх нацарапанную надпись — «Великодушному врагу от вра-

га благодарнаго».

* * *

Прерванное прилетом «Бранденбурга» пиршество возобновилось. Вокруг стола не раз и не два прошлась круговая ендова. Пили за здоровье командира, пр. Нечаева, барона, и всѣх присутствующих.

Изаев пил жадно, торопливо, не зная мѣры.

— Господа! — сильно охмѣлѣвшій, обратился он к отряду. — Я предлагаю вам выпить вот за что. Слушайте внимательно. За примѣр! За примѣр, а не за слова. За личный, понимаете-ли, примѣр, а не за чесаніе языка! Пейте до дна, господа! До дна пейте!

Никто, кромѣ Нечаева, не понял, но рюмки зазвенѣли, поднялись одновременно и дружно показали донышки.

В такой момент с удовольствіем выпили бы и за поршень, и за костыль, и за выхлопную трубу.

К 12 часам пировали только наиболѣе выносливые, а два часа спустя, за столом остался один Иван Иванович. На его ногах был только один сапог, второй валялся в травѣ.

Он размахивал вилкой перед головой поросенка и, почти касаясь своим носом поросячьяго пятачка, спрашивал:

— А с-с-с-кажи на милость: как же это ты попал в такую н-н-н-непріятную исторію?

—o—

Исторія одной гибели

— Прапорщик Степанищев!

— Есть.

— Командир срочно требует.

— Иду.

— В полетном платьѣ.

— Есть.

Дежурный офицер поднял воротник шинели (на фронтѣ разрѣшалось), с яростью отряхнул намокшую фуражку об обшлаг рукава и побѣжал по лѣсной тропинкѣ к одиноко стоявшей на полянѣ большой брезентовой палаткѣ.

— Выводить Ньюпор-Бебэ!

Авiомеханик вынурнул из-под полога и спросил:

— Который Бебэ?

— Ах, вѣрно: у нас их два. Степанищевскiй.

— Есть, господин поручик. Добавочный бак наполнить?

— До отказа.

— Есть.

Дежурный успокоился и медленно отправился обратно. Взглянул на небо. Сумрачный разсвѣт не предвѣщал ничего хорошаго: облачный, туманный, осеннiй сѣрый день.

Сѣрая земля, сѣрая трава.

У общаго глинянаго умывальника шумно полоскался прапорщик Степанищев.

— Здравствуй, Коля!

— Здорово. Дежуришь?

— Как видишь. Туманно сегодня. Не заблудишься?

— Что говорит метеорологическая станція?

— Барометр поднимается.

— Слѣдовательно не потеряюсь. Скажи пожалуйста, какой готтентот пріобрѣл этот умывальник? Умыться невозможно, чтобы сапоги не облить.

— А ты, что это такой сердитый сегодня. Вчера переборщил что-ли?

— Угадал. Убѣжден, что выпил лишнее. Знаешь, послѣ авіаціоннаго ерша, голова трещит каким-то особенным образом и особенно долго. Свинцовая голова, руки, ноги.

— Ты не Колумб: я тоже не дождусь смѣны.

Степанищев наклонился к землѣ, осторожно поднял с травы маленькаго жучка и спросил дежурнаго офицера:

— Не знаешь-ли ты, что нужно этой козявочкѣ: и холодно и сыро, а она о чем-то хлопочет?

— Ты спроси ее.

— Благодарю за совѣт.

Прапорщик бережно опустил свою козявочку на землю и, чтобы ей не было холодно, накрыл мхом.

*
* *

Взлет был на сѣвер.

Бебэ, отвязанный от кольев, стоял на полѣ, готовый к полету.

Механик в послѣднiй раз опрашивал мотористов:

— Маслопроводы залиты?

— Залиты.

— Бензин?

— Оба бака.

— Регулировка?

— Правильная.

— Пулемет?

— Вывѣрен. Диски полные.

— Рули?

— Осмотрѣны. В порядкѣ.

— Хорошо! Выводные к крыльям и к хвосту. Живѣй ворочайся: прапорщик Степанищев идет.

Летчик подошел к аппарату, ступил на подножку и спросил: — Готов?

— Можете летѣть, ваше благородiе.

Степанищев провѣрил мотор и сдѣлал знак, чтобы из-под колес вытащили подушки. Дал газ, пробѣжал с поднятым хвостом по землѣ и горкой, рѣзко взмыл к небу.

Ньюпор тотчас же потерялся в туманѣ.

* * *

Взлет был сдѣлан в 6—15 утра.

Послѣ Бебэ весь отряд, один самолет за другим, разлетѣлся по разным направленіям.

Послѣдним вылетѣл командир на Виккерсѣ.

В отрядѣ не осталось ни одной машины. На аэродромѣ маячили только двѣ фигуры со стрѣлкой.*

Около 8 часов послышался шум мотора и вскорѣ, на высотѣ 800 — 900 метров, почему-то с юга, из облаков вынырнул Ньюпор—Бебе.

Туман, слѣдовательно, поднялся.

В 8 ч. 7 минут Бебэ сѣл у старта.

Прапорщик Степанищев выпрыгнул из кабины и крикнул подбѣжавшим дежурному офицеру и мотористам:

— Четыре бомбы! Покурить! Бензин! Масло! Машина заваливается на лѣвое крыло!

Дежурный офицер вытащил из кармана портсигар, вынул папиросу, помял ее и, вставив в рот Степанищеву, зажег спичку.

— Командир?

— Улетѣл. Что нибудь интересное?

— Есть дѣло! Летѣл все время вслѣпую. Лечу, затѣм выгляну из тумана, высмотрю и

*) Длинная, в нѣсколько метров полотнянная полоса, указывающая направленіе вѣтра для посадки.

снова в туман. Высота — 100 — 150 метров. Забрался к нѣмцам. Странно как — то, разгуливать в их тылу на такой высотѣ. По головам, можно сказать, задѣваю. Выполнил заданіе и двигаюсь обратно. На правой сторонѣ Большого Озера вижу какіе — то ползающіе ящики. Уж не танки—ли? Дѣлаю круг, снижаюсь и всматриваюсь. Вѣроятно танки! Около двадцати штук. Громоздкіе такіе, неуклюжіе, неповоротливые. Я их из пулемета. Ползут в разныя стороны.

Жаль, бомб не было. Хотѣлось бы посмотрѣть — крѣпки—ли? Говорят—бронированные.

Сейчас лечу гвоздить. Сообщи немедленно в штаб: с правой стороны Большого...

— Знаю.

— Ну, досвиданія.

Прапорщик обернулся к авіомеханику:

— Машина готова?

— Секунду, господин прапорщик. Я вас хотѣл спросить—как идет машина? Сильно—ли заваливает крыло? Увеличить — ли угол атаки лѣвой поверхности, и насколько, или...

— Уменьшить у правой. Очень немного.

— Есть! Гей, выбрать слабину у праваго троса и подтянуть тандер на два оборота!

Вы думаете—достаточно?

— Думаю.

— Законтрено! Так. Можно летѣть, ваше благородіе.

Степанищев снова усѣлся в кабину, не вывѣряя мотора, сдѣлал разбѣг, плавно поднялся и исчез на западѣ.

***

В 9 — 12 коснулся земли Виккерс командира и дежурный офицер отдал рапорт у аппарата.

Командир одобрительно кивнул головою и подтвердил:

— Видѣл. Шел мимо.

Потом усмѣхнулся и добавил:

— Бомбит и бьет из пулемета. На подпоручика тянет!

***

Около десяти часов утра над аэродромом произошло нелѣпѣйшее в исторіи авіаціи событіе.

Туман поднялся еще выше. Из облаков донесся слабый гул мотора и Бебэ был замѣчен маленькой точкой.

Его защитная, матово—серебряная, отражающая цвѣт и оттѣнок неба окраска дѣлала его почти невидимым и только гул итальянскаго Рона выдавал присутствіе аппарата и направленіе.

На этот раз гул слышался странный, періодически усиливающійся и ослабѣвающій.

— Уа—а, уа—а, уа—а ...

Первый догадался авіомеханик.

— Два мотора работают. Гдѣ—то летит еще один аэроплан.

На фонѣ темных облаков и тумана выдѣлялся один Бебэ, у котораго уже можно было разсмотрѣть вэ - образную стойку между поверхностями.

К аэродрому приближался только один аппарат —Ньюпор Бебэ.

Подозрительным казался шум мотора, и не без основанія: гдѣ - то опредѣленно работал еще один мотор.

Но гдѣ?

Бебэ снижался по прямой и над аэродромом, на высотѣ 1,000 метров, выключил контакт.

В плавной, пологой спирали, в тѣ моменты, когда машина безшумно скользила в сторону аэродрома, было видно, как винт сокращал свои обороты и через два—три витка спирали должен был остановиться.

Но мотор гудѣл.

Сейчас не было сомнѣній, что над аэродромом, неизвѣстно в каком мѣстѣ, находился невидимый аппарат.

Момент был рискованный: на полѣ лежала стрѣлка, Бебэ шел на посадку и, если из

облаков появится непріятельская машина, то отряд будет открыт, начнутся налеты нѣмецких самолетов и, может быть, придется перебираться с этого хорошо замаскированнаго мѣста на другое.

Эта перспектива заставила командира отдать приказаніе—убрать стрѣлку.

Тишина аэродрома нарушилась заявленіем дежурнаго офицера:—Работает не ротативный мотор, а Мерседес.

Категорическое заявленіе и опыт наблюдателя исключали возможность ошибки и отряд сосредоточил вниманіе на темном небѣ.

Бебэ планировал на шестистах метров и винт еле проворачивался.

В сѣверо—восточной части над аэродромом, как-то внезапно, появился черный силуэт аппарата, с особыми линіями фюзеляжа, мрачный и непріятный, как гроб.

Вынырнув из облаков, черная машина выравнилась и показала свои поверхности с загнутыми к хвосту краями.

Альбатрос!

Замѣтил—ли Степанищев убранную стрѣлку или услышал шум мотора, но у Бебэ снова заработал итальянскій Рон, и он круто пошел на подъем.

Не сбавляя газ, сзади, с цѣлью внезапнаго нападенія, почти пикируя, ринулась черная нѣмецкая машина.

Замѣтил-ли, увидѣл-ли Степанищев непріятеля?

По конструкціи Ньюпор Бебэ (XI) был слѣпой машиной для наблюденія за небом, так как верхнія поверхности покоились на невысоком пилонѣ и находились над головой.

Круглое оконце в центрѣ не играло никакой роли.

Казалось, что Ньюпор был озабочен только высотой. Спокойно, с малым креном в лѣвую сторону описывал окружность и шел против вѣтра.

Альбатрос подошел метров на сто выше и метров на четыреста сзади Бебэ.

Для одного из аппаратов настал послѣдній момент.

Кто выйдет побѣдителем? Двухпулеметный-ли Альбатрос с летчиком и наблюдателем или с большим боевым опытом Степанищев?

Два пулемета против одного.

Секунда — и Альбатрос, атакуя, набрасывается, хвост опрокидывается кверху, линія полета, параллельная стволу неподвижно укрѣпленнаго передняго пулемета, приближается к мишени—Бебэ.

Но, еще не заработал нѣмецкій пулемет, как Ньюпор молніеносно проваливается капотом вниз, дѣлает весьма сложную фигуру и в мгновеніе оказывается в мертвом пространствѣ, под хвостом Альбатроса.

Хвост снизу—это наиболѣе уязвимое мѣсто; даже защищать нѣт возможности.

Альбатрос обречен!

Бебэ, беря прицѣл, взмывает носом, кабрирует и ... пулемет не дѣйствует!

Спасаясь, черная машина становится на крыло и выходит из гибельнаго положенія.

Но Ньюпор снова чертит в воздухѣ замысловатую фигуру, вновь атакует. Прицѣл точен и ... ни выстрѣла!

Ошибки и промахи в воздушном бою недопустимы.

В третій раз напал Бебэ, в третій раз отказался работать пулемет и, растерявшійся Степанищев, попадает в сферу непріятельскаго огня.

И погиб Бебэ!

Как подстрѣленная птица, никѣм не управляемый, с мотором на полных оборотах, Ньюпор продѣлывает ряд вольтов и, с грохотом врывшись в землю, покрывает обломками уже мертваго Степанищева.

* * *

Пулемет Бебэ был пуст.

Вѣроятно, при обстрѣлѣ танков, увлеченный боем, прапорщик Степанищев разстрѣлял весь запас до послѣдняго патрона.

ШТОПОР

А что, братцы мои, не встрѣчали-ли вы в Казани Вѣрочку Пермякову?

Нѣт?

О, тогда вы о женской красотѣ понятія не имѣете!

Я бы сказал, что главное ея обаяніе заключалось даже и не в красотѣ, а в особой, ей только свойственной привѣтливости, в женственности и ласкѣ.

Взглянет она на вас бархатными глазами цвѣта васильков, и тепло вам становится и несказанно хорошо, и вдруг хочется прыгать козленком.

А ушла она — и щемит у вас на сердцѣ и остро чувствуется тоска и одиночество.

Словами всего не выразить. Что такое слова?

Попробуйте-ка вы передать словами исполненіе Рахманиновы его элегіи или Патетическую сонату Бетховена в исполненіи Падеревскаго?

Сѣл человѣк за рояль, надавил нѣсколько клавишей и ушел, а вы два мѣсяца ходите потом, как в туманѣ.

Так и глаза Вѣрочки. Теплые и ласковые, озарят на мгновеніе, а ушла она — и стрѣляться хочется.

В лирику я ударился не потому, что мы, вчетвером, пятую бутылку коньяку осаживаем, а черезур рельефны, остры и больны «тѣни минувшаго».

И романса этого с тѣх пор слышать не могу: ровно сердце кровью исходит. Да, клянусь монококком Дюпердюссена, тяжело. А такого жуткаго конца я, конечно, и не ожидал. Эх, ты, жизнь наша, безталанная!

***

Я был дежурным офицером по аэродрому, когда в семь с четвертью утра мой коллега, Костя Данилин, вылетѣл на Ньюпорѣ XI осмотрѣть окрестности Казани.

Как по походкѣ можно узнать знакомаго, так и по полету видно — кто летит.

Взглянешь на небо и сразу скажешь: — Вот на этом аппаратѣ летит Женька Константинов, там — Вася Петров, а над головой — Кокочка Предтеченскій.

Так и у прапорщика Данилина была слабость к штопорам.

А штопор, надо сказать, относится к сложным фигурам высшаго пилотажа.

Собственно говоря, штопор нужно разсматривать не как фигуру, а, скорѣе, как тяжелое положеніе самолета, из котораго довольно труд-

но, а, в большинствѣ случаев и невозможно, выйти.

Это вам не чепуха какая нибудь, вродѣ мертвой петли!

Вы выключаете мотор и выбираете ручку на себя. Аппарат кабрирует, хвост провисает, скорость рѣзко падает, угол атаки увеличивается, подходит к предѣлу и наступает едва-ли не самый интересный момент в аэродинамикѣ — срыв обтеканія крыла. Ваш аппарат неустойчив, начинает проваливаться. Вы даете ногою педаль в сторону предполагаемаго вращенія, машина переворачивается через крыло, опрокидывается кверху колесами и пикирует с гошем в опредѣленную сторону.

Эллероны — рули прогрессирующіе и ваша машина сначала медленно, потом быстрѣе и быстрѣе начинает вращаться вокруг вертикальной оси, развивая чудовищную, по формулѣ, скорость..

Первые 5 — 6 витков может выдержать даже мало натренированный летчик, а в послѣдующіе, когда крылья и фюзеляж начинают трещать и, наконец, звенѣть, как стеклянные, при адском завываніи тросов и ослѣпляющем вращеніи земли, — необходимо имѣть хорошее сердце и полное спокойствіе.

Молніеносный переход от верхних разрѣженных слоев воздуха к низкому атмосферному

давленію у земли — эта амплитуда сказывается вздувшимися венами.

Затѣм наступает критическій момент выхода из штопора. Нужно плавно поставить рули нейтрально. И, Боже сохрани, никак не в обратную сторону.

Машина замедляет свои витки и постепенно вы выходите в пикэ. Еле замѣтное движеніе ручки на себя и аппарат принимает естественное полетное положеніе.

Требуется выдержка.

А попробуйте - ка поторопиться!

Рывок и — крылья отрываются и остаются в воздухѣ; вы собственной персоной пробиваете землю и без пересадки, за пьянство и безобразное поведеніе, попадаете к чертям на сковороду!

Поясню, что максимальный угол атаки при штопорѣ равен 30 градусам. Если наклон вашего аппарата к вертикальной линіи равняется 25 — 30 градусам, то штопор называется крутым, от 30 до 50 — пологим и от 50 до 60 — плоским. Машины из плоскаго штопора, за рѣдкими исключеніями, не выходят.

При передней центровкѣ, равной 30% по средней аэродинамической хордѣ — крутой штопор не получается и машина, послѣ нѣскольких витков, сама выходит из штопора. При 32%, штопор нормальный, а при 36 — 40%, выход невозможен.

Во время вращенія вы слѣдите за потерей высоты по стрѣлкѣ альтиметра, так как оріентироваться по землѣ нельзя: вмѣсто земли вы видите тошнотворно вращающіеся и сверкающіе круги.

Центр штопора не совпадает с осью вашей машины и вас вдавливает в борт кабины, ваш язык, желудок и кишечник стремятся вылетѣть из вас вон.

В такіе штопоры для управленія требуется большая физическая сила.

Я думаю, достаточно вам сказать, что в школѣ высшаго пилотажа подавляющій процент гибели выпадает не на иммельмановскій переворот, не на другія фигуры, а именно на штопор.

Переход из штопора в пикэ на высотѣ 100 метров считается классическими, 70 — 80 метров — дерзостью, 40 — 50 — наглостью, а 20 — 30 метров — безуміем.

А мой Костя ухитрялся выходить в обрѣз, касаясь колесами травы.

За это он и в школѣ и в отрядѣ не раз сиживал на гауптвахтѣ.

Запретят ему, а он уйдет верст за сто в сторону и начинает штопорить.

Возвращаюсь к разсказу.

Как я уже говорил, однажды Костя вылетѣл в 7 — 15 утра с запасом бензина на три часа и в 10 — 15 не вернулся.

Я доложил командиру.

— И чорт его знает! — разсердился командир. — Студент — горняк, по теоріи авіаціи 12 баллов, знает, что нижнія крылья у Ньюпоров отрываются, и рискует. Ясно штопорит гдѣ нибудь. Я и приказываю вам: вернется прапорщик Данилин—на двое суток на гауптвахту!

— Есть, господин капитан.

***

Мой герой, заочно приговоренный к двум суткам ареста, в ясное, прелестное утро, отрегулировав альтиметр (поставив стрѣлку на нуль) и поднявшись на Ньюпорѣ - Бебэ, полетѣл к сѣверу от Волги.

Всматриваясь в разстилающуюся внизу панораму, он описывал круги над красивыми зигзагами, поросшей кувшинками и водяными лиліями, рѣки Меши.

На высотѣ 400 метров Бебэ вспугивал и разгонял с озер и болот стаи диких уток, которыя разлетались в разныя стороны от совершенно безвреднаго для них стального хищника.

Ньюпор снизился на сто метров.

На пологом берегу излучины Данилин увидѣл рыбаков с удилищами, котелок над костром и, в сторонѣ, двух купающихся мальчиков.

И так его потянуло искупаться в кристаль-

но - чистой водѣ Меши, подержать в рукѣ удилище и попробовать чай, отдающій вѣником и прогорклым соломенным дымом, что Бебэ сдѣлал десяток виражей над изумленными рыбаками.

Хронометр показывал 8 часов.

Влѣво, за селом, между оврагами, показалось ровное поле.

Повернув туда, Данилин пошел на подъем и, набрав 1,000 метров высоты, выключил мотор и на скорости ринулся вниз. Гош влѣво и машина завертѣлась.

Стрѣлка быстро падала: 800.... 700.... 550.... 400 метров... еще двѣ секунды и рули нейтральны.

Вой тросов понижается в тонѣ, крылья разворачиваются медленнѣе и Бебэ выходит из пикэ на высотѣ 40 метров.

Альтиметр показывает 100. Опозданіе принимается к свѣдѣнію.

Газовый сектор открыт, но в моторѣ пропуски.

Костя закрывает и открывает сектор — опять пропуски.

Перед капотом вырастают строенія, сад, забор, высокія деревья....

Скорость еще есть, шесть цилиндров пока тянут и Бебэ, с риском спарашютировать или повалиться на крыло, дѣлает горку над липами.

Колеса проскользнули, не задѣв деревьев, но перегруженный мотор сдает и лопасти винта останавливаются.

Размышлять некогда, высота 15 метров, скорости никакой....

Угол выбран.

Бебэ стучит колесами по огородным грядкам, пробѣгает разстояніе в сотню метров, вмазывается мотором в забор, опрокидывает его и, задрав хвост, становится на капот.

Без единой царапины, Данилин выскакивает из кабины и намѣревается осмотрѣть машину: не поломаны - ли крылья.

Осмотрѣвшись, он увидѣл перед собою цвѣточную клумбу, за клумбой веранду и на верандѣ — группу лиц, застывших в смертельном испугѣ.

— Необходимо же извиниться за свое невольное вторженіе.

Сняв каску, он входит на веранду и говорит, обращаясь ко всѣм:

— Господа, ради Бога, простите. Я не хотѣл топтать ваши огурцы и сломать забор. Мотор встал у меня.... и Данилин разводит руками.

Это комическое обращеніе разсѣяло страх и вызвало улыбки.

Владѣлица имѣнія разсмѣялась и сказала:

— Вы так препугали нас.

Мы только что вышли к утреннему чаю, как услышали пѣніе мотора.

Для нашей глуши аэроплан — комета.

Мы начали прислушиваться. Гул все явственнѣе, все ближе и над нами появился аэроплан, который вдруг начал крутиться и падать. Падать прямо на нас.

Каким же чудом вы - живы?

Вы сядете пить чай рядом со мною и за чаем все разскажете.

Познакомьтесь с моими друзьями: моя пріятельница, мой сосѣд, а там - моя племянница.

Взгляд упал за колонну и встрѣтился с взглядом синих глаз Вѣрочки Пермяковой.

И пропал с тѣх пор Костя Данилин!

***

Верховой, посланный в город с письмом к командиру, вернулся с авіомехаником и двумя мотористами.

Осмотр Бебэ показал. что лонжероны крыльев не пострадали; был погнут носок мотора и разбита лопасть винта.

Перемѣнить носок, насадить новый винт и вывѣрить мотор было дѣлом пяти часов.

Но развѣ можно было оторваться от бездонной глубины глаз Вѣрочки?

К концу ремонта Данилин рѣшительно подошел к старшему мотористу и спросил:

— Нельзя-ли, как нибудь, ремонтировать мотор дня два - три?

Моторист сам был не прочь отдохнуть и побродить с ружьем по болотам, почему и отвѣтил поспѣшно:

— О, пожалуйста, господин прапорщик, хоть недѣлю!

* * *

Три дня промелькнули с кинематографической быстротой.

За это время ѣздили на пикник, купались в Мешѣ, осматривали Бебэ, ловили рыбу и охотились.

Вѣрочка с каждым днем становилась все тише и печальнѣе.

Утром, в день отлета, Данилину не спалось. До восхода солнца он одѣлся и пошел в сад, к купальнѣ.

Стоял на берегу и возмущался собою: да что же с ним происходит. Неизвѣданный нервный подъем, безпричинная тоска и в головѣ хаос. Ни на чем нельзя сосредоточить свои мысли...

Да, они — синіе, синіе...как лазурь вечерняго неба ... как глубь океана. Глаза Вѣрочки ... Вѣрочка!

И испугался, что вслух произнес дорогое

ему имя и оцѣпенѣл, когда в нѣжных, кадміевых бликах утренней зари увидѣл ее — Вѣрочку.

Голос оборвался и ноги приросли к мѣсту.

Видѣл только ея тонкую, хрупкую фигурку и лицо, то бѣлое, как мрамор, то пылающее стыдливым багрянцем.

— Вѣрочка!

— Костя!

Только два слова, только два имени.

Двѣ музыкальныя фразы, в которыя в полнотѣ своей вложилась божественная симфонія — и Вѣрочка прижалась к плечу и расплакалась.

Оторвалась, взглянула заплаканными, дивносчастливыми глазами и снова припала к плечу головкой.

* * *

Рон свирѣпо заревѣл. Винт бросил мощную струю воздуха, пригнул траву к землѣ, опрокинул цвѣточные горшки и покатил по двору кур и с перепугу поднявшаго вой молодого щенка.

Стараясь перекричать рев мотора, провожающіе приглашали прилетать каждый день, вмѣсто тренировочных полетов вокруг Казани.

Данилин, сидя в кабинѣ, обвел всѣх взглядом; на секунду растворился в глазах Вѣрочки и махнул рукой.

Вздрогнул Бебэ, побѣжал с поднятым хвостом, взмыл кверху и через минуту исчез в голубом небѣ.

* * *

Ну-с, завязка романа сдѣлана.

В нашей коронной пѣснѣ поется, что: «для огня и для меча мы рождены, и всегда готовы в бой.»

Но это не все: перед нашими земными братьями мы пользуемся еще одной привилегіей — мы всегда можем и готовы умереть.

Конец наш приходит стихійно быстро.

Данилин, как и нужно было ожидать, широко пользовался приглашеніем и вѣчно пропадал в имѣніи княгини Чегодаевой.

Вылетал обыкновенно часов в 8 утра и поздно, при кострах, возвращался. Один моторист даже жил в имѣніи.

Но сказка скоро кончилась и мы выѣхали на фронт.

Костя настрогал 240 колышков, вбил их вокруг палатки и каждое утро выдергивал по одному.

Так он считал дни до отпуска.

Как прошла зима, я не стану описывать.

Кое как Костя промучился долгіе восемь мѣсяцев, но когда кольев осталось около двадцати, он не мог найти себѣ мѣста.

Ночами не спал. Похудѣл, осунулся.

* * *

В маѣ, на слѣдующій же день по пріѣздѣ в Казань, около 8-ми утра Данилин с мотористом вылетѣл на двухмѣстном Ньюпорѣ и вернулся в сумерки, послѣ семи вечера.

Вернулся такой ожившій, жизнерадостный, сіяющій. Счастье сквозило и в глазах его, и в интонаціи голоса, и в обращеніи со своими коллегами.

Ни с того, ни с сего он подбѣжал ко мнѣ, схватил за руку, разсмѣялся и заявил, что я должен завтра полетѣть с ним, как будущій шафер, познакомиться с его невѣстой.

Это — пока, а в день обрученія командир обѣщал ему прилетѣть на банкет всѣм отрядом.

Утром мы вылетѣли на двух Ньюпорах.

На прекрасном для посадки лугу, рядом с фруктовым садом, нас поджидал моторист, который принял наши машины.

Нас вышли встрѣчать и недалеко от калитки усадьбы я увидѣл Вѣрочку.

Увидѣл и пожалѣл, что прилетѣл сюда.

Душевное равновѣсіе, мои мечты и планы, — все это разлетѣлось, развѣялось и разсѣялось.

* * *

А ночью мнѣ в комнатѣ не хватало воздуха. Проклинал себя за малодушіе. Хотѣлось скрипѣть зубами и выть дико, по волчьи.

* * *

На разсвѣтѣ я дал себѣ слово не бывать больше в домѣ Вѣрочки.

Слово свое сдержал.

В день обрученія отряд вылетѣл без меня. Я, сославшись на головную боль, остался в палаткѣ.

В шесть вечера отряд вернулся под Бахусом.

* * *

14 мая, в тихій, безвѣтренный день, за час приблизительно до заката солнца, дежурный офицер, услышав шум мотора, приказал растянуть на аэродромѣ полотнянную стрѣлку.

Дым нехотя, лѣниво отклонялся к сѣверу и стрѣлка была растянута остріем к озеру Дальній Кабан.

Поблескивая мотором, к аэродрому, на высотѣ 1,000 метров, подошел Ньюпор-Бебэ и спикировал.

Потеряв 300 метров, Бебэ завертѣлся в штопорѣ. На свист тросов из палаток выбѣжал весь отряд.

Послѣ десятка витков Ньюпор завыл, как сирена, с каждой секундой повышая и повышая тон... 400 метров... еще секунда... еще одна... Бебэ дѣлает попытку выйти из штопора... витки медленнѣе... и — Бебэ со звоном и визгом, с

каким обыкновенно рвется шрапнель, врывается в землю.

* * *

Хоронили тут-же на аэродромѣ. На безкрыломъ черном Моран — Солнье вмѣсто гроба стояла шкатулка, в которую было собрано из земли все, что осталось от Кости Данилина.

* * *

Из под груды обломков был извлечен альтиметр с вдавленной в металлическій циферблат стрѣлкой.

Она указывала на 2,4.

Как потом выяснилось, Вѣрочка выходила провожать своего нареченнаго жениха в послѣдній полет. У Ньюпора они остановились, держа друг друга за руки. Во время разговора, Вѣрочка, касаясь рукой лѣваго обшлага полетной куртки, случайно коснулась головки регулировочнаго болта альтиметра и безсознательно повернула ее с нуля на 2, 4.

Данилину или не пришлось провѣрить альтиметр, или он вывѣрил его перед прощаніем с Вѣрочкой.

Завертѣвшись в штопорѣ, он конечно, ввѣрил себя альтиметру, ошибся на 240 метров и не замѣтил, как умер.

А Вѣрочка была помѣщена в дом для душевно-больных.

Без Креста

Военный летчик корнет Махов получил георгіевскій крест.

Наконец-то, этот скромный золотой крестик у него на груди.

Но, не даром, о, далеко не дешево достался ему он.

Два бомбовоза в счет не идут: пользуясь неуклюжестью громоздких машин, Махов сбил их, спрятавшись в мертвое пространство под непріятельскій стабилизатор.

На «Альбатрос» он напал из облака, внезапно, никто даже не встрѣтил его. Так и сбил его без одного выстрѣла со стороны противника.

Покачнулся «Альбатрос», свалился на крыло и перешел в штопор.

«Этрих» долго сопротивлялся. Отстрѣливался с обоих бортов, описывая неожиданныя ломанныя линіи, но послѣ третьей очереди упал и взорвался, ударившись с бомбами об землю.

Это не в счет.

Легко сравнительно дался и двухмѣстный развѣдчик.

Корнет из первой очереди всадил шесть пуль в германскаго летчика. Машина скользнула на крыло; на скольженіи и ушла в болото.

Но Фоккер дрался упорно.

Окрыленный тремя легкими побѣдами, Махов, в схваткѣ с нѣмецким истребителем, по заявленію очевидца командира отряда, был преступно неосторожен, в результатѣ чего получил двѣ пули.

Одна прошла через трапецевидную мышцу, не задѣв ключицы, а вторая, как бритвой разрѣзала щеку от носа до уха.

Бой, как и каждый воздушный бой, закончился бы в нѣсколько секунд, но, произвольно со стороны нѣмца или нѣт, оба завертѣлись в «воздушной карусели».

Начался бой на выносливость.

Кружась на вертикальных виражах по одному кругу малаго радіуса, самолеты быстро снижались к землѣ.

Побѣдителем мог выйти тот, кто имѣл большую скорость, т. е. мог нагнать хвост своего противника, или чей аппарат обладал большею маневренностью, позволяющей сдѣлать меньшій радіус виража.

Но нѣмец ошибся, предполагая встрѣтиться с Ньюпором, пред которым Фоккер имѣл преимущество в скорости.

Хорош истребитель Фоккер, но ни в чем не уступал ему и русскій истребитель «Сикорскій XX», или, как он числился — «С — XX».

Из воздушной карусели, этого заколдован-

наго круга, погибал обыкновенно тот, кто первый выходил на прямую.

Вѣчно кружиться нельзя, т. к. аэропланы на вертикальных виражах быстро снижаются, а для того, чтобы не зацѣпиться крылом за землю и набрать высоту, необходимо выйти из карусели, другими словами — попасть под обстрѣл в хвост идущаго истребителя.

В подобной карусели и завертѣлись Фоккер с «С — Двадцатым».

Бой на выносливость.

Дрались долго. Схватились на высотѣ 3,200 метров, а нѣсколько минут спустя Фоккер, выходя на подвѣтренную сторону, уже задѣл крылом за траву.

Приготовился и Махов.

Рѣшил твердо: лучше разбиться, чѣм пасть от вражеской пули.

Но не выдержал нѣмец. Шевельнул элеронами.

Загремѣли выстрѣлы.

И не знает Махов: сбил - ли он своею очередью, или Фоккер черпнул крылом землю и разсыпался на тысячи кусков, подняв облако пыли.

Так или иначе, но Махов — побѣдитель: его нервы выдержали лишнюю критическую секунду.

А продержись нѣмец еще один вираж — погиб бы Махов.

Но корнет оказался на секунду сильнѣе врага и поэтому он стоит сейчас в дымной халупѣ и разсматривает щеку в зеркальный осколок.

Мѣсяца не прошло, как затянулись раны. Рукой можно двигать, летать давно уже в силах. Скверно только, что на щекѣ остался багровый рубец.

Но это тоже пустяки, когда корнету двадцать три года и к его груди денщик пришивает завѣтную мечту — георгіевскій крест.

— Покрѣпче, Степаныч, чтобы не оторвался.

— И, что вы, ваше благородіе, нитки — первый сорт.

— Как бы не потерять.

— Ой, что вы, ваше благородіе, да тут силком не оторвешь.

— Ты, кажется, высоко пришиваешь?

— Никак нѣт: в аккурат, тут, как тут.

— А потолок опять течет?

— Дык, как же не текать ему, когда вся крыша снарядом разворочена.

— Не «дык», а окна до сих пор бумагой заклеены?

— Стекла не найти, ваше благородіе. Тут четыре «тяжелых» ахнули и на селѣ всѣ стекла выбиты.

— Печь опять дымит?

— Труба разворочена, ну и дымит.

— Сажа, копоть...

— Да, сажа. Есть малость.

— Прочистил бы дымоход?

— Я-ж пробил дырку, сбоку тут. И как, значит, дым от нѣмца, так и дымит малость.

— Гдѣ же — малость: тебя плохо вижу. Глаза ѣст!

— Это-ж с непривычки. Батюшки, ваше благородiе, я и забыл сказать, что вас командир требует.

— Как же так, Степаныч. Давно?

— Никак нѣт: я, значит, к вам доложить, а вы мнѣ: «Степаныч, пришей-ка» — я и забыл. Шинель или куртку, ваше благородiе?

— Шинель.

Корнет вышел из избы и поморщился.

Неприглядна была их стоянка. Выгорѣвшее и разрушенное артиллерiйским огнем село, своими черными остовами построек и уцѣлѣвшими печными трубами, напоминало кладбище.

Улиц не было.

Вся площадь села зiяла доверху наполненными водой воронками от трех и шести дюймовых снарядов.

До командира было шагов триста, но эти триста шагов нужно было сумѣть пройти.

Болѣе унылой, болѣе убогой обстановки нельзя было и придумать.

Правда, аэродром — идеальный, даже в грязь, слякоть и дождь с него можно подниматься. Ангары, растянутые прямо на шоссе, между деревьями — сверху невидимы и еще противником не обнаружены.

Это, конечно, хорошо, но и только.

Что же касается остального, то — ах, какая безрадостная, безжизненная обстановка!

На триста шагов до штаба требуется не менѣе пятнадцати минут не ходьбы, а эквилибристики, с непремѣнным участіем рук для балансированія. А без рук — не миновать воронки.

— Собачье житье! — проворчал корнет, сдѣлав послѣдній изумительный прыжок на крыльцо. — Сапоги снова в глинѣ. Эх, собачье житье!

Махов толкнул дверь, прошел сѣни и постучался.

— Да, да.

-- Ну и выбрали же мы становище, господин ротмистр! Когда выберемся из такой грязи? Идешь к вам, как шимпанзе, и все же, через триста шагов — грязный, как свинья.

— Садитесь, корнет. Мѣсто, дѣйствительно, не живописное, но ожидаю: скоро перекинут нас отсюда. Куда — предположить трудно. Как ваша рука?

— Летѣть? — с удовольствіем!

— Да, прифронтовая развѣдка. Выяснить: проведена-ли времянка за окопами.

— Слушаю.

— Участок знаете?

— Да, помню.

— 10 — 15 верст по фронту, не больше.

— Слушаю.

— Больше ничего!

— Когда?

— Через пол-часа.

— Бомбы?

— Не обязательно. Захватите пару.

— Обстрѣлять?

— Не думаю. Участок насыщен артиллеріей и вам не дадут снизиться.

— Попробую!

— Попробуйте!

— Все, господин ротмистр?

— Все!

* * *

— Эк, вы вымазались, ваше благородіе! Будто на животѣ ползли! Сапоги не зачерпнули? Это самое важное, а шинель — мы в два счета. Никак падали, ваше благородіе?

— От моста на спинѣ ѣхал.

— Самое проклятущее мѣсто. Ничего нѣт от командира?

— Сейчас на развѣдку.

— А рука как, ваше благородіе?

— Прекрасно.

— Сказать, чтобы машину выкатили.

— Уже сказано.

— Одѣваться сейчас будете?

— Да.

— Шерстяные носки дать или пуховые?

— Все равно.

— В шерстяных вы уже раз летали. Пуховые теплѣе.

— Безразлично.

— Мѣховые ботинки или сапоги?

— Давай, что нибудь.

— Одѣвайте ботинки.

— Хорошо, давай!

— Шарфом горло обмотайте, тогда вѣтер вас не пробьет.

— Не на полюс.

Укутанный усердным денщиком Степанычем, корнет натянул подшлемник и, взяв каску, осмотрѣл свое помѣщеніе.

В углу - самодѣльная кровать, рядом — некрашенный грубо сколоченный стол, табуретки, огромная, в треть избы, печь, прилавок для бритья.

Прокопченный потолок, замазанныя стѣны с пятнами от клопов, бумага в окнах.

— Эх, собачье житье! Скорѣе бы перекинуться на новый участок. Ну, что же, досвиданія, Степаныч!

— С Богом, ваше благородіе. Христос вас сохрани!

* * *

Когда «С-ХХ» обогнул лѣсную котловину, на переднем планѣ развернулась болотистая равнина, кое гдѣ покрытая невысоким тальником и бурьяном.

Повсюду, насколько охватывал глаз, поблескивали широчайшія озера, болота, топи, и небольшія лужи.

Верстах в четырех от передовых окопов, по проселочной дорогѣ, параллельной линіи фронта, ползла гигантская змѣя.

«Оружьем сверкая и пыль поднимая, проходил полк»... вѣрно схвачено, а вѣрнѣе, в грязи утопая и хлюпая в жижѣ... да, здѣсь полк, не меньше. Одна рота, двѣ... шесть... да, полк. На юг двигается. А впереди, как будто арбы, нагруженныя лимонами? Одна, двѣ... семь арб.

Пока корнет считал роты и арбы, «С-ХХ» был уже над окопами.

Одним гошем, без ноги, Махов повернул вдоль фронта.

Через 7 минут, облетѣв двадцативерстный участок, и ничего не обнаружив, «С-ХХ» взял курс на свой аэродром.

Безрезультатная развѣдка закончилась в 8 часов 45 минут утра.

* * *

После доклада, корнет вернулся в свою прокопченную халупу, отдал ботинки Степанычу и, с ногами забравшись в кровать, погрузился в перечитываніе «Юрія Милославскаго».

В 12 часов денщик накрыл на стол и чтеніе было прервано.

Плотно позавтракав, Махов опять завалился в постель, прочел книгу и незамѣтно заснул.

В пять часов вечера Степаныч разбудил своего начальника и сообщил, что машину выкатят через пол-часа.

* * *

За час до заката солнца корнет вторично вылетѣл, имѣя прежнее заданіе: не прокладывают-ли нѣмцы временную желѣзнодорожную колею к своим окопам и, если да, то гдѣ именно.

Снова «С-ХХ» пошел по болотистой мѣстности и вдоль фронтовой полосы.

В концѣ своего пути, на своей территоріи корнет замѣтил переброску наших частей.

Снизился до 1,000 метров и поразился развернувшейся под его ногами картиной: по дорогѣ двигался тот же самый полк.

Сомнѣній быть не могло. Тѣ же шестнадцать рот, тѣ же семь арб, с навѣсами лимонно-желтаго цвѣта.

Как это так?

Он прочел книгу, не торопясь позавтракал,

распивал кофе, покуривая хорошую сигару, потом выспался и послѣ сна выбрился, а полк все шел. Шел, увязая сапогами в клейкой глинистой грязи.

Шел с 8-ми часов утра до 6-ти с половиною вечера!

* * *

Пожалѣв своих земляков, Махов развернулся к фронту и наметанный глаз сразу нашел цѣль своей задачи.

Впереди, за нѣмецкими окопами, как муравьи, копошились еле видимыя точечки и тянули, вытягивали сѣрую нитку.

«С-ХХ» подошел ближе и муравьи превратились в саперов, а нить — в колею желѣзной дороги.

Кроки набросаны, провѣрены. Наступил момент, когда дорога каждая секунда.

Корнет кладет ручку вправо, давит педаль и самодовольно улыбается.

Сейчас он, корнет Махов, предупредит штаб об опасности и спасет тысячи своих земляков, которые мѣсят грязь под ним, на проселочной дорогѣ.

Вперед, скорѣй вперед!

Кратчайшая прямая на аэродром и для скорости — небольшой угол.

Вперед, вперед! 1250 оборотов винта! Мотор Гном-Моносупап выдержит. Не сгорит.

И только опредѣлил азимут, как заклубилось небо вокруг и загрохотали разрывы.

Подкинуло кверху, бросило в сторону, снова вверх... адскій треск, брызги огня и рѣзкій толчек.

Перед козырьком — разорванный капот и раздробленныя лопасти винта.

Во избѣжаніе пожара газовый сектор закрыт и контакт выключен. Аппарат планирует.

Направленіе? В тыл, к нѣмцам!!

Скоба в лѣвую сторону не выходит. Нарушена регулировка рулей управленія.

«С-XX» упрямо уходит в нѣмецкій тыл.

Правый крен!

Нога упирается в паук передней станины.

Лѣниво, как бы раздумывая, машина убійственно медленно поводит своим хвостом.

— А бомбы? Без предохранителей! — вспоминает корнет и, зажав ручку ногами, враз освобождает хомутики.

Ну, теперь, господин «Сикорскій - Двадцатый», разворачивайся скорѣе! Еще нѣсколько градусов, еще один градус. Еще, еще немного! Вот, вот, правильно. Ну, еще пожалуйста!

Махов косится на альтиметр — 800 метров.

— Успѣю или нѣт? Хватит-ли высоты? Каков вѣтер? «Как, значит, от нѣмца, так и дымит малость. — приходит в голову замѣчаніе

денщика. — Ах, спасибо тебѣ, Степаныч! Жаль, что «малость», а не столбом дым валил!

Линія фронта поворачивается и останавливается перпендикулярно к аппарату.

— Спасен!! 400 метров. Тяни, тащи, господин «С-XX»!

Тяни, тяни, тяни! Ах, перепрыгнуть бы через нѣмецкіе окопы. Да тяни, тяни же! О-о-о-о-гоп-ля! Ура!!! Ауфвиедерзеен, дейчланд! Воллен зи эйнэ комбинація аус дрей фингер-пальцев?

Теперь я — дома. Земляки, родные, здравствуйте!

Тпру-у-у-у... На себя, на себя ручку... не волноваться...... Тпру-у-у-у-у-у......

Корнет положил ручку на себя, но посадка не вышла. Взрытое снарядами поле, конечно, не могло служить аэродромом.

«С-XX» с силою ударился колесом о край воронки и со звоном скапотировал.

Махова вмѣстѣ с креслом выбросило из машины. Пролетѣл, кувыркаясь по землѣ, нѣсколько саженей и остановился на днѣ глубокой ямы.

Убѣдившись, что кости цѣлы и нѣт вывихов, корнет выглянул из воронки и быстро инстинктивно присѣл. Его поразил необычай-

ный грохот рвущихся снарядов и огни, ежесекундно вспыхивающіе вокруг его убѣжища.

Зрѣлище было необчное. Послѣ каждой вспышки к небу взлетал столб земли. Из таких столбов около Махова вырастал цѣлый лѣс. Разсыпались одни, поднимались другіе.

Концерт стоял умопомрачающій. Рвались снаряды, строчили пулеметы, пѣли винтовочныя пули.

От дыма и земляных столбов на пять саженей ничего не было видно.

Сколько времени провел бы здѣсь корнет— неизвѣстно, но его выручил небольшой, сѣрый ком, скатившійся к его ногам.

Сѣрый ком оказался самым настоящим русским солдатом в сѣрой шинели. Он нагнулся к уху корнета, должно быть, что-то сказал и погрозил пальцем. Затѣм, вытянув шею, прислушался, кивнул головою и выпрыгнул из воронки.

Махов послѣдовал за ним.

То бѣгом, то на четвереньках, то ползком на животѣ добрались до проволочных загражденій, подлѣзли под проволоку и свалились головою вниз в зловонную канаву секрета, откуда по извилистому руслу дошли до окопов передовой линіи.

Проводник молча махнул рукой, указывая вглубь окопа, и проворно втиснулся в темную боковую нору.

По скользким, полукруглым от грязи доскам корнет сдѣлал десяток шагов, обогнул бруствер и, рискуя поскользнуться и по пояс погрузиться в жидкую кашу на днѣ окопа, повернул обратно: впереди никого не было.

Подошел к норѣ, куда скрылся провожавшій его солдат и вглядѣлся в темноту — ничего не видно.

В нос ударил острый запах дубленых полушубков и махорочнаго дыма.

Корнет, нагнувшись, шагнул в нору и натолкнулся на земляной вал. Перелѣз через него, поскользнулся, поѣхал, сидя, по наклонной плоскости и уперся ногами во что-то мягкое.

Это «мягкое» не замедлило подать свой голос с жесткими варіантами:

— Сказано — сапогами вперед нельзя! Кто там еще вваливается?

— Это — я, корнет Махов.

— Вы не сюда попали, ваше благородіе. Вам — рядом, гдѣ ротный командир. Сразу за бруствером дыра. Вам в эту самую и есть.

— Хорошо, я пойду. Телефон там имѣется?

— У ротнаго, если не оборван.

— Блиндаж за бруствером, отсюда налѣво?

— Так точно, ваше благородіе.

Цѣпляясь руками и ногами, корнет выкарабкался из землянки и побѣжал к брустверу.

Ѣдкій огонь ослѣпил на мгновеніе, уши заныли от страшнаго взрыва, невидимая сила приподняла корнета и сбросила вниз, в мѣсиво грязи, воды и мусора.

— Оглох или нѣт? — схватился за каску Махов. Скорѣе и проворнѣе в блиндаж, а иначе здѣсь и навсегда остаться можно.

Ухватился за доску, подтянулся и пополз по окопу к брустверу.

— Тут гдѣ нибудь.

Разсмотрѣл черный провал, забрался в нору и, перешагнув через высокій глинобитный порог, увидѣл тусклый огонек свѣчи.

Три бородатыя фигуры, сидя на полу и прислонившись спинами к стѣнкам блиндажа, спали.

Упираясь каблуками в вязкое дно, корнет осторожно спустился вниз.

Здѣсь, как в гробу, было тихо. Сотрясая почву, глухо грохотали только близкіе разрывы.

— Форменный гроб! — заключил Махов и спросил громко:

— Могу я видѣть ротнаго командира?

— Я! — отвѣтила бородатая фигура, не шевельнувшись и не открыв глаз.

— Разрѣшите переговорить по телефону со штабом корпуса? Срочное сообщенiе.

Глаза открылись.

— Это вас сбили над нами?

— Да, к сожалѣнiю.

— Телефон связан с командиром полка.

— Отлично. Разрѣшите?

— Сейчас я вызову.

Фигура на грязном полу повертѣла рукояткой, прислушалась и отвѣтила:

— Прерван.

— Как же быть?

— Послать вѣстового.

— Как далеко до штаба?

— Двѣ версты.

— Вы дадите мнѣ проводника?

— Берите. Вы простите, господин...

... корнет.

... господин корнет, но мои коллеги спят, как истуканы. Не разбудить. Третьи сутки без сна. Пожалуйста берите сами, от моего имени. Фельдфебель вам назначит кого нибудь. Простите, пожалуйста.

— Конечно, я сам. Очень благодарен.

— Простите... хр-р-р-р...

Махов направился было к выходу, но в это время в блиндаж вошло новое лицо с широкими чернильными полосками на погонах.

— Не вы-ли, ваше благородiе, летчик?

— Да.

— За вами вѣстовой из штаба полка.

— Вот, хорошо. Гдѣ он?

— Наверху дожидается. Вы отдыхать будете или?...

— Нѣт, нѣт, иду немедленно.

— У вас письменное донесеніе?

— А что?

— Покажите вѣстовому — гдѣ лежит.

— Нѣмцы бьют здорово?

— Сейчас тише, да всякое бывает, ваше благородіе.

— Согласен. Покажу. Пошли!

— Сразу налѣво по окопу до хода сообщенія и опять влѣво.

— Спасибо. Налѣво и еще раз налѣво?

— Так точно.

Корнет выполз.

По всей вѣроятности была уже ночь, так как вслѣд за вспышками от разрывающихся снарядов на мгновеніе наступала полная тьма. Пользуясь мигающим свѣтом, корнет не терял впереди идущаго вѣстового. За вторым от норы бруствером в лѣвой стѣнѣ окопа открылась узкая щель.

Как шли по ходам сообщенія — трудно было представить впослѣдствіи.

Спотыкались, скользили, падали, погружались по пояс в ледяную воду, терялись в тем-

нотѣ, прыгали по кочкам, но, в концѣ концов, добрались до второй линіи окопов, гдѣ помѣщался штаб полка.

Вѣстовой остановился.

Махов нащупал руками вход, вошел в темный корридор и оглядѣл внутренность замлянки.

Стѣны, вырытыя в глинистой почвѣ, потолок из толстых мокрых бревен с висящими на них каплями, стол из неотесанных досок, табуретки из кольев и тальниковыя в два ряда нары.

Два офицера лежали на нарах, третій, в защитных погонах полковника, сидѣл за столом и при свѣтѣ свѣчи разсматривал карту.

Корнет щелкнул каблуками:

— Разрѣшите, господин полковник.

— Войдите. А-а-а, вы — корнет Махов?

— Так точно, господин полковник.

С нар спрыгнули оба офицера.

— Мои сподвижники: мой адъютант, штабс - капитан Басов, и командир 12 роты, поручик Степаненко. Только что штаб корпуса запрашивал меня о вас. Мы видѣли, как вы благополучно скрылись в секретѣ. Разрѣшите узнать: имѣете очень важныя свѣдѣнія?

— Очень важныя: временная колея...

— Как! Гдѣ? — привстал из-за стола полковник.

— Против участка вашего полка. Вот — кроки.

— Когда видѣли?

— Ровно в 6 вечера.

Через минуту полковник сообщил начальнику штаба дивизіи все, что дала развѣдка корнета Махова, а минут через десять вся дивизіонная артиллерія открыла ураганный огонь по наведенной нѣмецкой колеѣ желѣзной дороги.

Махов взял каску на руку и собрался уходить.

— Вы куда, господин корнет? — удивился полковник.

— Домой, в отряд.

— Я должен разочаровать вас. Домой вы не попадете до наступленія разсвѣта по двум причинам: во—первых, даже с проводником в этих гиблых мѣстах вы можете попасть в трясины, и, во—вторых, сейчас нас будет обстрѣливать тяжелая нѣмецкая артиллерія.

В ожиданіи обстрѣла, Махов, разсказав о своих приключеніях, спросил полковника — почему он знал о серіозном донесеніи воздушной развѣдки?

— Просто! — отвѣтил командир полка. — За два года в окопах можно развить чутье. Русскій аэроплан падает и разбивается. Для чего, спрашивается, по разбившемуся аэроплану сосредотачивать такой сильный артиллерій-

скій огонь? Потому, что летчик видѣл, что-то очень важное, что нужно скрыть. Для этого они должны уничтожить и ваш аэроплан и вас. Просто!

— Когда вы объяснили, то удивительно просто. Еще один вопрос: почему в ваших землянках высокіе пороги?

— Порог — плотина от полой воды. Раз залило нас, едва выбрались, второй раз плавать не хочется.

— А как вы думаете, господа? — вмѣшался в разговор адъютант. — Спать нам не придется: нѣмцы будут отвѣчать, так не перекинуться-ли нам картишками? Нас — четверо.

— Это гораздо интереснѣе! — отозвался поручик.

— Что-ж, можно! — согласился командир полка. — А как — гость?

Я к вашим услугам, господин полковник.

— В шмэн?

— Хотя бы и в шмэн.

— Так начнем. Младшая карта — банкомет. Выбирайте, господа. Тс-с-с, кажется нѣмцы заговорили. Выбирайте, господа. Младшая... да, прусаки отвѣтили. Послушаем: чѣм бьют и куда.

Почва дрогнула. С потолка сорвались капли и тотчас в землянку влетѣл глухой раскат взрыва.

— Жаль, тяжелый снаряд. Не до игры будет. Что же, подождем.

Раздался второй взрыв, третій...

Полковник снова развернул карту.

Поручик Степаненко полѣз на нары. От нечего дѣлать, вслѣд за ним разлегся на нарах и корнет Махов.

Час или два била артиллерія? А, может быть, три часа и больше? Во время обстрѣла нельзя учесть время. Минута прошла или час? Час или год? Да, да, час или год?

А нѣмцы били, били и били.

***

Тишина наступила неожиданно. Почувствовалась она прекращеніем головной боли. Как-то вдруг стало хорошо и спокойно.

Командир полка поднял голову, с нар приподнялись, заполнили землянку и стало тѣсно. Сквозь гримасы появились улыбки. Вопросы не к мѣсту и не ко времени.

— Как вы себя чувствуете? Вода не течет? — хотя воды не было уже около мѣсяца.

И всѣ знали, что ни о какой водѣ не могло быть и рѣчи, но в теперешнем положеніи все это дозволялось.

— За картишки недурно бы приняться? — неловко себя чувствуя, предложил адъютант, и

не повѣрил, когда всѣ с чрезмѣрной охотностью согласились играть в шмэн.

— Младшая сдает! — искусственно приподняв голос, проговорил адъютант.

— Мой банк! — сказал командир полка. — Мечу, но я предложил бы обождать минут пять — десять. И добавил, как бы в оправданіе: — Что-то уж черезчур тихо.

— Пи-пи-пи, пи-пи-пи... запѣл фоническій телефон.

— Что? — обратился полковник к адъютанту.

— 12 рота сообщает о наступленіи нѣмцев. Цѣпи у наших проволочных загражденій.

— Кто говорит?

— Прапорщик Косолапов.

— Оповѣстить штаб дивизіи!

— Слушаю, господин полковник.

— Четвертый баталіон вперед!

— Четвертый баталіон вперед, г-н полковник.

— Просить подкрѣпленіе!

— Выдвинута маршевая рота, г-н полковник.

— Странно! — пожал плечами командир полка. — Наш лѣвый фланг сравнительно благодушествовал. Не вѣрю, что нѣмцы поведут наступленіе по горло в водѣ. Хотя — посмотрим. Четвертый баталіон выступил?

— Так точно, г-н полковник.

— Посмотрим, посмотрим!

Прошла томительная минута ожиданія, десять минут, пол-часа...

Тишина...

Командир полка поднял голову:

— Кто сообщил о наступленіи?

— Временно исполняющій должность командира 12 роты прапорщик Косолапов.

— Дать мнѣ сюда прапорщика Косолапова! — пошевелил усами полковник.

* * *

Кто в половодье и разливы рѣк занимал фронт Пинских болот? Кто, если уцѣлѣл от пуль и снарядов, сохранил свое здоровье послѣ этой великомученической Голгофы.

Обстановка была ужасная?

Свѣже вырытый окоп через час обваливался, брустверы сползали и расплывались, а блеснет солнце и окоп превращался в говорливо—бурный ручей, из котораго под пулеметным и шрапнельным обстрѣлом приходилось выскакивать и окапываться рядом одиночными гнѣздами.

Но и эти гнѣзда вскорѣ заливались ледяною водой. Приходилось перекапываться.

И так, изо дня в день!

А ночью, измученные и переутомленные, не

обращая вниманія, что ноги в водѣ, спали тяжелым, кошмарным сном.

И так, из ночи в ночь!

Утром тифозные и больные с отмороженными ногами ползли по полю к летучкѣ. Ходы сообщенія были залиты водою и по утрам покрыты тонким налетом льда.

Мертвых не хоронили и не закапывали, а прикладами отталкивали на лѣвый фланг по теченію ручья-окопа, пока трупы через секретные ходы не попадали в протекавшую здѣсь рѣку, гдѣ и исчезали за илистым поворотом.

Вот в этом то мѣстѣ, безсмѣнно в теченіе двух мѣсяцев и просидѣл прапорщик Косолапов.

Однажды ночью, за два дня до смѣны выглянул Косолапов из окопа.

Смотрит — двигаются в атаку цѣпи германцев и уже перебираются через проволочныя загражденія.

Поднял тревогу и передал в штаб полка, чтобы готовились к встрѣчѣ противника.

Зазвякали земляки винтовками, повылѣзли на брустверы, ждут.

Прошло минут десять, двадцать, полчаса.

Никого не видно и не слышно.

Окопы зашумѣли, стали пополняться резервом.

Прошло еще с полчаса. Никого нѣт!

Опять оттянули резерв, а адъютант вызвал пр. Косолапова в землянку штаба для дачи объясненій.

Командир полка сразу же обрушился на прапорщика:

— Что вы ослѣпли что ли? Поднимать ложную тревогу, заставлять вдребезги замученных людей бѣжать двѣ версты, когда вблизи нѣт не только цѣпей, но хотя бы, на смѣх, одного непріятельскаго развѣдчика. Вы меня поставили в нелѣпое положеніе перед дивизіонным командиром, куда я сообщил о наступленіи.

— Но, г-н полковник, я видѣл.

— Кого, что?

— Цѣпи.

Командир всмотрѣлся в Косолапова и спросил:

— А вы почему плачете?

— Я не плачу, я не знаю, — опустил голову прапорщик.

Полковник скосил глаза на офицеров, ткнул пальцем себѣ в висок и покрутил этим пальцем в воздухѣ.

— Прапорщик Косолапов, вы, я вижу, в конец измотались и выдохлись. Отправляйтесь сейчас же в деревню и отдыхайте там, пока я вас не вытребую обратно. Больше спите, больше кушайте и не волнуйтесь. Вашим замѣстителем будет поручик Степаненко. Всего хорошаго!

Не успѣла за Косолаповым закрыться дерюга, служащая дверью, как полковник обратился к присутствующим: — Как вы думаете, господа, — это что: перетуомленіе или психоз?

Адъютант не зря прошел цѣлый курс медицинскаго факультета и знал тонкости человѣческаго организма. Он рѣшительно заявил: —Ярко выраженный психоз, доходящій до галлюцинацій.

— Но, г-н полковник, пор. Степаненко уходит. У нас не хватает партнера.

Командир обратился к денщику: — Вернуть прапорщика Косолапова!

Минуты через двѣ Косолапов вошел в землянку.

— Вы не составите нам партію в шмэн?

— Очень рад, к вашим услугам.

— Так, будем продолжать, господа?

— Пожалуйста.

— Даешь?

— Пас.

— Восемь, ваших нѣт. Хэ, хэ, хэ.

— Извольте-с девять! Хо, хо, хо.

Ха, ха, ха. Хи, хи, хи...

— Тс-с-с!... кажется к нам «тяжелый». Прямо к нам, господа.

Привычное ухо уловило зловѣщій звук.

— Ложись!

Приказаніе запоздало.

Землянка пошатнулась, накат не выдержал, бревна лопнули, потолок осѣл и наступила тьма.

Разорвавшійся снаряд ударил в бруствер, распахнул земляныя глыбы, сорвал плотину и ожег игроков в шмэн.

В первый момент всѣ задохнулись от высокой температуры.

Когда свѣжій вѣтер дунул в землянку, первым пришел в себя командир полка:

— Всѣ цѣлы?

— Прапорщик Косолапов, кажется... сидѣл против входа...

— Зажгите-же свѣчи, у кого есть.

Чиркнула спичка и освѣтила убогую землянку с перевернутым вверх дном скарбом.

Косолапов сидѣл, склонившись плечом и головою к опрокинутому столу.

— Ранены, прапорщик?

— Э, пустяки! А знаете, господа, у меня было девять: пятерка и двѣ двойки. Прикупил! Ха, ха-а-а...

Лицо прапорщика Косолапова при тусклом свѣтѣ исказилось ужасной улыбкою покойника.

Всѣ замерли.

Труп медленно сполз со стола и глухо ударился головою о землю.

***

— Господин полковник! Разрѣшите мнѣ при-

колоть ему, прапорщику Косолапову, мой георгіевскій крест?

— О, спасибо, корнет! Да, да... я представлю...

И отвел влажные глаза в сторону.

— Он — георгіевскій кавалер или нѣт?

— Нѣт.. он... без креста...

***

— Гдѣ-ж вас угораздило так, родное мое, ваше благородіе? Вѣдь вы чорт знает на кого похожи, ваше благородіе! Вѣдь смотрѣть на вас — срамота, ваше благородіе!

— Э-э, Степаныч, ничего. В окопах вымазался.

— Дык, давайте, хоть ноги спиртом протру, ваше благородіе?

— Ничего не нужно, Степаныч. Дай - ка «Юрія Милославскаго».

— Крест затеряли, ваше благородіе!

— Да, пока не нужно, Степаныч. Спрятал я его. Передал своему пріятелю. Настоящему, самому настоящему герою. Понимаешь? А мнѣ — не за что. Вообще мнѣ ничего не нужно. Дымит печь, ну и пусть дымит! Бумага в окнах — очень хорошо, все хорошо. Не заработал еще георгіевскій крест! Вот смахну еще десяток нѣмцев — тогда я и прицѣплю его, а сейчас я пока... без креста.

СОН

Безоблачным январьским утром, на занесенной искрящимся на солнцѣ снѣгом равнинѣ, дежурный офицер по аэродрому сдѣлал красным флажком знак, чтобы выключили всѣ моторы.

Перерыв по всей вѣроятности должен был быть большим, т. к. дежурный свернул цвѣтные флажки и не торопясь направился из глубины поля к ангарам.

Из кабинок стоящих у старта машин с неудовольствіем вылѣзли закутанные в мѣха летчики, которые приготовились к очередным полетам.

Всѣ с любопытством переглядывались, посматривали на небо и ждали, когда им объяснят причину задержки. Наиболѣе нетерпѣливые начали кричать, спрашивая в чем дѣло.

Дежурный ткнул в небо рукояткой флажка и, споткнувшись, с головой провалился в сугробах снѣга.

Кто то крикнул из группы: «Парасоль!

— Гдѣ?

— Приблизительно над селом Дубовским.

Всѣ повернулись и начали осматривать небо.

— Вѣрно, 2000 метров.

На указанной высотѣ блестѣла точка.

— 1900 метров.

Точка медленно опускалась и увеличивалась в объемѣ.

Послышались разспросы: — Все это хорошо, но причем тут мы. Почему нельзя летѣть?

Стоявшій здѣсь старшій группы из наблюдателей снял шлем, прислушался и сказал:

— Вниманіе, господа. Парасоль идет без мотора.

— Ну, и шут с ним. Нас сейчас ничѣм не удивишь.

Подошел дежурный, взглянул в бинокль и строго обратился к группѣ; — Господа, оставьте шутки: человѣк висит на волоскѣ, а вы смѣетесь.

Всѣ лица мгновенно вытянулись.

— Вы серьезно говорите?

— А как вы думаете? Я шучу что ли? — разсердился дежурный.

— Так объясните, пожалуйста?

— Что же объяснять вам? Сами видите: аппарат идет на посадку с остановившимся винтом за нѣсколько верст от аэродрома — первое. Садится по вѣтру-два и, третье: идет почти без угла, стараясь дотянуть до аэродрома, парашютируя и проваливаясь.

И проваливается не какая либо машина, а строжайшій аппарат Моран-Парасоль.»

— Как вы думаете-дотянет машина до аэродрома?

— Ничего не могу сказать.

— Можно ли сѣсть за аэродромом?

— Нѣт: большое село, лѣса, сопки. А если перетянет-вмажет в желѣзнодорожную насыпь. Дѣло-только случайное.

Парасоль, приближаясь к селу, плавно парил в воздухѣ.

Дежурный сдѣлал знак санитарному автомобилю: «Приготовьтесь». Доктор достал из чемодана шприц, камфору, бинты, нѣсколько инструментов и сѣл рядом с шофером. Приготовили носилки.

— Вперед, полный газ!

Санитарный автомобиль сорвался с мѣста и исчез за бензиновым складом.

Всѣ внимательно слѣдили за аппаратом, который тянул над самым селом. Двѣ-три секунды его лыжи были на уровнѣ креста сельской церкви. Дежурный, наблюдая в бинокль, кричал, как будто его можно было слышать. — Тяни вдоль улицы, лѣвый гош лѣвый гош!

Потом опустил бинокль и авторитетно заявил: — Гроб. Не дотянет.

В этот момент Парасоль нырнул носом и со скольженіем рухнул в рѣчной овраг.

Брызнули фонтаном хлопья снѣга вмѣстѣ с искалѣченной лыжей на стальной полуоси.

Дежурный вызвал на грузовикѣ рабочую команду и, отправив ее за обломками, сказал группѣ: — Настроеніе, господа, у вас неважное

почему я и считаю своим долгом прекратить полеты. Заводи машины.

Старшій группы спрятал полетный дневник и спросил: — Кто летѣл на Парасолѣ?

— Прапорщик Панкратьев.

— По какой причинѣ он упал?

— Двѣ причины,—отвѣтил дежурный, раскуривая трубку, — Мишенька или перемерз или машина испортилась.

* * *

Настроеніе, дѣйствительно, у всѣх преотвратительное.

Время настало какое-то загадочное: один за другим бьются три аппарата и сейчас-четвертый. Только что разбился на Вуазенѣ штабс - капитан Суславьев. 160 сильный Сальмсон вдавил его тѣло в полотно желѣзной дороги. И хоронить то, собственно говоря, было нечего. Жуткая траурная процессія. Безкрылый, черный Моран-Солнье с бѣлыми каймами сверху, вмѣсто гроба, маленькій ящичек, а в нем - комочек того, что раньше называлось капитаном Суславьевым.

Затѣм неудачный взлет несчастнаго Дахновскаго и его гибель в 100 шагах от группы.

Потом скольженіе и пикэ до земли потерявшаго скорость вольноопредѣляющагося Булыгина.

Сейчас-четвертый гроб прапорщика Панкратьева.

Двадцати лѣт, веселый и жизнерадостный малый, идеалист и мечтатель, он вездѣ и всегда былъ надежным соратникомъ: и в боевой обстановкѣ и в гарнизонном собраніи за круговым ковшом.

Машины завели по ангарам. На аэродром прибыли-начальник школы, командиры отрядов и весь перемѣнный состав.

Прошло довольно много времени, пока из-за снѣжнаго холма показался санитарный автомобиль. Везут Панкратьева.

Всѣ столпились у тракта.

Автомобиль остановился у караульнаго помѣщенія. Из него выпрыгнул шофер, доктор и, к общему изумленію, улыбающійся Миша Панкратьев.

Полетная группа грянула хором: «Ура, жив Курилка!»

Мишенька, послѣ того, как ему всѣ пожали руку, начал разсказывать.

— Я не знаю, господа, почему это произошло. Шел я на высотѣ 2300 метров к разъѣзду Кнорринг. Заданіе было: у Кнорринга взять влѣво, провести прямую между деревнями Слюдянка-Татьяновка и вернуться на аэродром. Не дошел я и до разъѣзда, как над головою лопнул трос, стягивавшій передніе кабанчики пилона.

Это, конечно, пол—бѣды, но безобразіе заключалось в том, что я, хоть убейте меня, позабыл—в какую одну и опредѣленную сторону мнѣ сейчас можно разворачиваться. В благопріятном случаѣ я мог бы вывернуть челюсть или оторвать ногу и только, а умирать, господа, в двадцать лѣт—я думаю, никому не хочется.

Я безсознательно дал лѣвый гош и подумал. — Сейчас сложатся крылья — но ничего подобнаго.

Машина прекрасно разворачивается и я по прямой начинаю тянуть на аэродром. Если бы я был на 100 метров выше или трос лопнул на двѣ секунды позднѣе, машина была бы цѣла. Но я ничего не мог сдѣлать.

Вы же видѣли, что я шел почти без угла, особенно над селом, а в результатѣ-я потерял скорость и гробанулся в рѣку. Машина вдребезги, т. е. буквально от нея ничего не осталось, из мотора вырваны нѣкоторые цилиндры. А я остался цѣл, как это ни странно, благодаря лопнувшему тросу. На Парасолѣ я никогда не привязывался ремнями, так и в этот раз. Когда машина ударилась правым крылом о дерево на берегу, то крылья сразу отошли в сторону, аппарат рѣзко нырнул вниз, а меня рыбкой выбросило из кабинки вперед.

Сначала я продѣлал по снѣгу с пол-сотни сальтов, какіе ни одному знаменитому акробату не снились, потом поѣхал на спинѣ по голому

льду, пока не уперся в поворот рѣки. И опять таки, в сугроб. Еле выбрался, порядком наглотался снѣга.

Удивительное дѣло, ни ссадины, ни царапины.

А повезло мнѣ потому, что сегодня, в пять часов меня будет ждать Галочка—добавил Миша, подмигивая.

На другой день Панкратьев прекрасно выполнил всѣ очередныя заданія на новом Парасолѣ с итальянским мотором Рон.

Крутая скобка, большая посадочная скорость, предѣльный крен, угрожающій перейти в скольженіе на крыло и идеальная посадка у стартовой черты.

— Ну, как? — спросил Панкратьев инструктора.

— Вы сначала нос снѣгом потрите, пока его не потеряли,—отвѣтил инструктор. А полет и посадка мнѣ нравятся. Только не перебарщивайте на поворотах у земли.

Пока вы в тылу — рисковать и позировать не нужно. Жалѣйте себя и машину. На фронтѣ-другое дѣло: там аппараты и моторы новые, крѣпкіе, выдержат всякую фигуру, а здѣсь не машины, а рвань, хлам, мусор. Это примите к свѣдѣнію: осторожность и осторожность. Поняли?

Слѣдующій вперед! Фюить! Инструктор свистнул и взмахнул флажком.

Заревѣл Рон, подпрыгнул Парасоль и, мягко скользя по снѣгу на лыжах, плавно отдѣлился от земли.

* * *

До смѣшного быстро промелькнули годы.

Прапорщик Панкратьев уже давно носил черные орлы, перевалил за 1000 часов в воздухѣ и считался одним из весьма талантливых летчиков.

Назамѣтно подошел и послѣднiй 22 год, когда окончательно рухнули всѣ надежды и начался великiй исход бѣлых из Приморья через Посьет на Гирин или вообще куда глаза глядят.

Густая волна бѣженцев быстро рѣдѣла. Падали от истощенiя, выбивались из сил и оставались на мѣстах.

Появились болѣзни—цинга и тифы, уложившiя добрую половину бѣглецов.

От группы, гдѣ был прапорщик Панкратьев, осталось два человѣка.

Шли по чужой землѣ, без языка, без денег по диким и безлюдным мѣстностям.

В рѣдких поселках кололи дрова и тѣм зарабатывали пампушки, которыми и питались в теченiе двух мѣсяцев.

Пол-года спустя вышли на станцiю Имяньпо. До Харбина добрались зайцами.

В Харбинѣ Панкратьев поступил в какой-то кабачек тапером, затѣм играл в кинематографѣ в Чан-Чунѣ.

* * *

Встрѣтил я его в Мукденѣ на главной улицѣ, недалеко от памятника.

Под руку с ним шла незнакомая мнѣ дама. Обрадовались встрѣчѣ, расцѣловались по прiятельски.

— Цѣлых четыре года не видѣлись,—говорил Миша.— Много воды утекло за это время.

Я окончательно пошел по музыкальной дорогѣ. Да, черт возьми, вѣдь ты не знаком с моей женой? Я-женат. Представляешь? Не хватает еще отпустить животик, завести самоварчик, гитару, кенареечку, дѣтишек. Ха, ха.

Разстались мы поздно.

* * *

Как то вечером, проходя мимо японской аптеки, я увидѣл жену Панкратьева. Она с большим свертком медикаментов выбѣжала из аптеки, торопливо усѣлась в коляску и крикнула рикшѣ: «Кой-да, кой-да!»

Я подошел к ней. Она взглянула на меня заплаканными глазами и вдруг разрыдалась беззвучно, горько, отчаянно.

— Ѣдемте со мною! — едва прошептала она.

Я крикнул рикшу.

Дорогою она успокоилась немного и с большими перерывами начала разсказывать.

— Недѣлю тому назад, часа в три или четыре ночи, Миша, спокойно спавшій, вдруг соскочил с постели.

Не просто прыгнул, а как будто какая то сила выкинула его на середину комнаты.

Когда я зажгла свѣт, Миша стоял у письменнаго стола, схватившись за борт. Безумные, вращающіеся глаза, порывистое дыханіе. Он весь был покрыт крупными каплями холоднаго пота.

Предполагая, что он видѣл страшный сон, я подошла к нему и стала успокаивать. Миша пришел в себя, с удивленіем осмотрѣлся, ощупал свои руки и ноги и спросил загадочно:

— Стало быть я еще жив?

— Тебѣ, вѣроятно, снился нехорошій сон?

— Нѣт, нѣт, - быстро отвѣтил он, — ничего особеннаго. Прекрасный сон?

Послѣ холоднаго обтиранія, Миша снова заснул спокойно.

Утром он чувствовал себя хорошо и со службы вернулся в отличном настроеніи.

Это было во вторник, а в среду он опять соскакивает с постели с диким, звѣриным

ревом. Он весь был в холодном поту, его било, как в лихорадкѣ, у него стучали зубы. Мнѣ он ничего не сказал.

Сейчас Миша совсѣм не спит по ночам, даже не ложится. Только днем, и то кое-как. Окончательно измучился, на службу не ходит.

Вчера снова повторилась эта исторія. Вот мы и дома.

Сюда, налѣво. Стой рикша!

Мы вошли в квартиру.

Миша, заложив за спину руки, расхаживал из угла в угол. Я не узнал его.

Осунувшееся лицо, заостренный нос. Остались глаза: хорошіе, чистые, свѣтлые.

Увидя меня, он всплеснул руками:

Ба, вот не ожидал!

Так ты чего же: чай будешь пить или холодное пиво дуть?

— Будем дуть холодное пиво,

— Ну, дуй, дуй. А помнишь, как Володя Богдан штопорил на XXII бис. Перед самой землей выравнил машину.

Да, хорошія времена были раньше, когда мы дѣйствительно жили.

А сейчас — гниль одна кругом. Тоска великая. Домой, в Казань меня тянет.

Знаешь, душно мнѣ в комнатѣ, воздуху не хватает. Пройдемся немного по городу, пока жена приготавливает.

Мы вышли.

За квартал от своей квартиры Миша заговорил. — Тебѣ вѣроятно жена уже сказала о моих ночных приключеніях. Я сам не понимаю в чем здѣсь секрет. Психоз? Не может быть. Я был у весьма солидных врачей - психіатров и всѣ они рѣшительно говорили мнѣ, что - абсолютно здоров. Сердце здоровое. Машина, Моносупап.

Картина такая: нѣсколько дней тому назад, я ложусь спать. И заснуть то я, собственно, не успѣл, как затрещал телефон. Нехотя подхожу, спрашиваю. Голос командира: «Вы что это, батенька, захотѣли попробовать — что такое военно-полевой суд что ли? Весь отряд уже вылетѣл, а вы до сих пор валяетесь в кровати. Живо на аэродром!

Быстро одѣваюсь, ѣду к ангарам.

Дѣйствительно, стоит на полѣ только одна машина Парасоль и у винта — моторист.

— Запускай! кричу.

— Есть! — отвѣчает.

Круто поднимаюсь. Подо мною минные погреба, лѣс, полотно желѣзной дороги. Впереди —мост. Под мостом паровозы, спущенные партизанами. Один на боку, другой кверху колесами, третій машинным отдѣленіем из подо льда выглядывает. Знакомый мост, думаю.

Ах, это разъѣзд Кнорринг. Альтиметр показывает 5800 метров.

И вдруг — бац! Рвется трос от пилона, крылья отходят в сторону, аппарат скользит на крыло, потом переходит в штопор. Рули парализованы, мотор не выключается и я, с ужасающей скоростью, падаю вниз. 5000, 2000, 150 метров.

Рѣзкая струя воздуха захватывает дыханіе, свист тросов, бѣшенно вращающаяся земля и я с треском впиваюсь в землю.

Открываю глаза послѣ смерти.

Вижу — стою я посреди комнаты, около меня испуганная жена. Я с остановившимся сердцем, мокрый, как триглодит.

Проклятый сон перепугал меня. Ну, сон сном — думаю. Бывают же кошмары. Прошел и слава Богу.

Но, представь себѣ мой ужас, когда этот сон, со всѣми мелочами, повторился и на слѣдующую ночь. Полет к Кноррингу, над мостом рвется трос и я в штопорѣ сыплюсь вниз.

Очнулся я на полу совершенно разбитый, больной, немощный.

Утром отправился к докторам. Здоров, как гиппопотам.

А может быть я начинаю сходить с ума? Испугался я и потащился к психіатру. И все в порядкѣ. Велѣл больше мышцами двигать, дѣлать холодныя обтиранія и дал пузырек, отзывающій смѣсью валеріанки с огуречным разсолом.

В кровать я больше не ложился: боялся. Спал в креслѣ. Ночи напролет копал в саду грядки, ухаживал за цвѣтами, рубил, колол, пилил.

Так прошло четыре дня.

Вчера, послѣ ужина я принял холодную ванну и часов в 12 ночи присѣл в кресло вздремнуть. И только закрыл глаза — поднимаюсь на Парасолѣ.

Хочу проснуться и не могу.

Лечу к Кноррингу. Я знаю, что сейчас произойдет что то ужасное. Смотрю на трос и вижу; он подпилен наполовину. Потом он рвется, конечно, и я, в третій раз, падаю и заживо умираю.

Скажи пожалуйста, один и тот же сон в теченіе трех ночей! И с каждым разом мои ощущенія и переживанія становятся болѣе и болѣе острыми, яркими и болѣе ужасными.

Сегодня был у других врачей. Ни соринки, ни задоринки.

Что за штука? Ты только войди в мое положеніе: я не могу спать даже в креслѣ! Я вообще не могу и не должен спать!

И твердо знаю, что четвертаго паденія я не выдержу и умру.

Уже написал всѣм прощальныя письма. И тебѣ есть — лежит там в ящикѣ.

Сегодня я рѣшил махнуть рукою на медицину и напиться вдребезги. Авось это поможет.

Буду пить все, что попадется под руку: пиво, сакэ, виски и разную гадость. Банзай!

Пошли обратно! Ты женѣ ничего не говори. Я ее постепенно подготовлю.

— Не безпокойся.

— Да, да пожалуйста.

Мы вернулись молча.

Мнѣ было что то не по себѣ и я распростился с Панкратьевыми часов в 10 вечера.

Миша быстро охмѣлѣл, говорил разную чепуху и громко смѣялся, вспоминая школьные эпизоды.

Прощаясь, дал им свой адрес.

* * *

Два дня спустя я получил письмо, в котором г-жа Панкратьева сообщала мнѣ, что с Мишей пройзошло «то же самое».

А еще через день Миша Панкратьев умер от разрыва сердца.

Титаны неповерженные

Как раззоренное осиное гнѣздо, шумит и гудит Первая Истребительная Группа ротмистра Казакова.

Как снѣжные хлопья взлетают к небу стальныя осы, мелькают и сверкают в воздухѣ, оглушая посторонняго наблюдателя невообразимым ревом тридцати двух моторов.

Что это — вызов врагу или русское молодечество?

Нѣт, сегодня знаменитый Казаков мѣняет свои Мораны - Солнье и Мораны - Парасоли на Ньюпоры и Спады.

Вот почему такое столпотворенiе в воздухѣ. Вот почему, сверля воздух, носятся тридцать два серебряных истребителя.

И среди этих тридцати двух истребителей — цѣлых четыре Спада!

Да, сегодня ротмистр Казаков чувствует себя именинником.

Если его отряд на Моранах был «запретной зоной» для нѣмцев, то — какую грозную силу представляет Первая Истребительная Группа на новых машинах?

Гордый сознанiем своей мощи, Казаков дѣлает посадку.

Волевой командир и учитель, старшій брат группы и доблестный солдат, ротмистр Казаков, как и его соперник — прапорщик Смирнов, был и остался непобѣдимым.

Был капитан Фонк и пал, побѣжденный, был Гинемер и пал тоже, был барон Рихтгоффен и был сбит, в бою пал фон Келлерман. Только два русских столпа, знаменитѣйшіе из знаменитѣйших, били и сбивали — и остались непобѣдимыми.

Только Россія, только ея безбрежные просторы могли порождать стихійныя натуры, непобѣдимых богатырей, титанов неповерженных.

Взращивала знойная Африка могучих Ганнибалов и послѣ безсмертных «Канн» гибли они вмѣстѣ с Карфагенами.

Жертвою интриг пал божественный Кай Юлій Цезарь.

Боясь потеряться в просторах, побѣжденный природой, отступил Александр Македонскій.

Был разбит, и разбит жестоко — спеціалист фланговых обхватов — Фридрих Великій.

Пал и геніальнѣйшій из геніальных полководцев всѣх времен и народов — Наполеон.

И только один великій полководец ушел в землю непобѣдимым. Бил вдребезги всѣх, с кѣм ни сталкивался, все подчинил волѣ своей. Разгуливал по всей Европѣ, как по своей вотчинѣ и семидесятилѣтним маститым стариком

совершил свой легендарный переход через Альпы.

* * *

Барометр падал.

В воздухѣ чувствовалось приближеніе бури.

Стрѣлки альтиметров отклонились за нуль.

Над аэродромом нагромоздились грозовыя облака.

Двое выводных растянули на землѣ полотянную стрѣлу, указывающую направленіе вѣтра и выжидательно уставились в небо.

Из-за тучи, как бы сорвавшись с нее, показался пикирующій Спад, сдѣлал пологую скобу и сѣл у ангара.

Из кабины вылѣз прапорщик Смирнов.

Выше средняго роста, стройный, обладающій огромной физической силой и непреклонной волей, прапорщик Смирнов, несмотря на свои двадцать лѣт, являлся серіозным претендентом на первенство в русской военной авіаціи.

Сам знаменитый Казаков, послѣ перваго боя прапорщика Смирнова с нѣмецким истребителем, сказал, что «Ванечка» далеко пойдет.

И не ошибся.

На слѣдующій день послѣ побѣды, Смир-

нов, полетѣв на развѣдку, мимоходом снял нѣмецкій бомбовоз.

К вечеру этого же дня он сбивает второй истребитель Фоккер.

За два дня — три машины!

На Ванечку в истребительной группѣ стали смотрѣть с уваженіем.

Проходит три дня и Смирнов сбивает еще один истребитель.

Ротмистр Казаков переходит с Ванечкой на «ты».

Фронтовая работа шла своим размѣренным порядком. Летали, дрались.

Прошло три мѣсяца и в списках, сбитых прапорщиком Смирновым машин, прибавились еще шесть истребителей и одиннадцать бомбовозов и развѣдчиков.

Однажды ротмистр Казаков вылетѣл с прапорщиком Смирновым.

До 600 метров не поднялись, как замѣтили далеко в сторонѣ два нѣмецких истребителя.

Показал рукой ротмистр и полетѣли наперерѣз непріятелю.

Бросился ротмистр на передній Фоккер и сбил его первой очередью.

Обернулся в машинѣ — посмотрѣть, как дерется Смирнов, и нашел в воздухѣ только один аппарат — Спад.

Глубоко внизу, объятый пламенем, падал второй нѣмецкій истребитель.

Десятый истребитель, сбитый Смирновым.

Командир насчитывал пятнадцать.

Как-то незамѣтно, так, между прочим, Смироов сбивает «Бранденбург» и через недѣлю, снова Фоккер.

Сначала в группѣ изумлялись, удивлялись, а потом начали смѣяться.

Да и как не смѣятся?

Пріѣхал из авіаціонной школы неизвѣстный молодой истребитель, самый молодой в отрядѣ, почти мальчик и в теченіе пяти-шести мѣсяцев обогнал, кромѣ одного командира, всѣх опытных, старых, летчиков.

Посмѣивался и ротмистр. Говорил Смирнову:

— Давай, посостязаемся: кто кого?

И когда получил четыре Спада, то забыл себя и в первую очередь отдал Спад своему Ванечкѣ.

Сердечно поблагодарил его прапорщик, и немедленно попросил командира обновить новую машину и «попробовать» качества на нѣмцѣ.

Ротмистр разрѣшил и Смирнов на утренней зарѣ вылетѣл.

Ко времени прилета измѣнилась погода.

Зловѣщее небо!

В тон небу и казаковская группа. У стартовой черты вытянулись тридцать двѣ машины.

Как граціозныя стрекозы. Сильныя и страшныя.

У тридцати двух машин — традцать два руля поворота и на каждом из них — на черном фонтѣ бѣлый череп и кости. Знак казаковскаго отряда.

Заколдованный отряд!

Кто бы ни прилетѣл сюда, сколько бы аппаратов, отрядов или эскадрилій ни прилетѣло, ни одна машина обратно не возвращалась. Всѣ оставались на мѣстѣ.

Страшный казаковскій отряд!

Недаром, гдѣ стоял ротмистр Казаков, там, на картах нѣмецкаго штаба, была запретная зона. Послѣ неоднократных попыток уничтожить, стереть с лица земли казаковскую группу, нѣмецкій генеральный штаб, потеряв в экспедиціях сотни лучших истребителей и бомбовозов, понял безцѣльность борьбы и окончательно отказался от соревнованія за господствующее положеніе в воздухѣ.

Поневолѣ приходились ротмистру Казакову постоянно перебрасываться с одного участка на другой, чтобы обезвреживать воздушную развѣдку противника.

В этот притаившійся перед бурей день,

рано утром, Казаков принял машины и прапорщик Смирнов вылетѣл для «пробы» Спада.

Сѣл к ангару — палаткѣ, выпрыгнул из машины и пошел в палатку командира.

— Бомбовоз или истребитель? — встрѣтил его ротмистр.

— Никого не видѣл.

— Как машина?

— Чудо!

— Гдѣ был?

— Нигдѣ. Вокруг вертѣлся. Пробовал управленіе.

— И как?

— Чудо! Разрѣши еще подлетнуть?

— Пожалуйста. Гроза собирается?

— Успѣю. Еще пол — часа или час.

— Ну, ну....

Заработал четырехсот сильный Испано — Сюиза, как звѣрь взревѣл на полных оборотах и без напряженія, играя, забросил Спад за облако.

Не умолк еще гул мотора, как вышел Казаков и приказал:

— Три машины!

Засуетились мотористы. Забѣгали выводные.

— Прапорщик Голышев и Павлов — Старшій! Три нѣмца гдѣ-то над нами заблудились. Пошли встрѣчать!

— Есть! — враз отвѣтили летчики и, захватив каски, бѣгом бросились к своим машинам.

Но еще до запуска винтов, над головами сначала появились три нѣмецких истребителя и из облака выпал Спад

Казаков сорвался с мѣста, за ним — Голышев и, третьим — Павлов.

Разсчитывая на мотор, ротмистр шел на помощь под углом в 45 градусов.

Но напрасно торопился командир выручать своего нареченнаго брата.

Сраженіе уже разыгралось.

Через нѣсколько секунд послѣ перваго пулеметнаго выстрѣла, три нѣмецких истребителя, падая один за другим, разбились об землю.*

Прапорщик Смирнов сбил их двумя короткими очередями.

* * *

Прошли годы.

Лучшій военный летчик Россійскаго воздушнаго флота, командир Первой Истребительной Группы ротмистр Казаков, к концу Великой войны на нѣсколько машин опередил пра-

---

* По свѣдѣніям адъютанта казаковскаго отряда, военнаго летчика есаула Букановскаго.

порщика Смирнова и уже послѣ, летая в Архангельскѣ, потерял колесо во время взлета. Не замѣтив потери, ротмистр Казаков во время посадки со страшной силой врылся в землю.

А прапорщик Смирнов в настоящее время проводит воздушную линію: Батавія — Амстердам.

ЗА РОДИНУ.

Тапер Пущин зашел к своему пріятелю, химику Кротову, в его бѣдную лабораторію.

Кротов жил на окраинѣ захолустнаго пограничнаго, уѣзднаго городка автономной Финляндіи.

Кротов был дома и возился над тигелем. Встрѣтил пріятеля не совсѣм дружелюбно:

— Опять притащился со своим предложеніем?

— Не мое предложеніе, а Родина зовет!-с горечью отвѣтил Пущин. Россія в опасности, Польша субсидируется иностранными государствами. Даже совнарком дарует нам, бѣлым, амнистію и приглашает вернуться для защиты отечества. Прощеніе прошлаго и...

— Эх, голова пухнет от твоих разговоров! В совнаркомѣ Минина отыскиваешь? Предположим, согласился я спасать отечество, поступил в красную армію, потом что? Кто поведет эту армію?

— Ворошилов, Буденный, Тухачевскій...

— Стой, стой, остановись! Ворошилов — рабочій, Буденный — вахмистр, Тухачевскій — подпоручик.

— Ну, и что?

— Ну и нашлепают!

— Кто? Поляки?

— Да, поляки. Среди них есть генералы.

— Мнѣ говорили, что Тухачевскій — красный Наполеон. Он побѣдил боевых полковников и генералов Омскаго Правительства.

— Павел Николаевич, не кощунствуй! Как тебѣ не стыдно. Вѣдь только круглый идіот может так назвать Тухачевскаго. Это не побѣды, когда бѣлые, т. е. гимназисты, студенты, рабочіе воткинскаго и ижевскаго заводов под командой полковников и генералов, отступают из Казани, то в их тылу, в Челябинскѣ переворот. Проходят Челябинск — переворот в Томскѣ, не обошли Томск, как переворот в Красноярскѣ. Тут не Тухачевскій, а любой сапожник побѣдителем выйдет! А здѣсь, даже сомнѣваться нельзя, нашлепают, потому что поляки против самих себя переворачиваться не будут. У подпоручика — горизонт подпоручика. Нельзя же — тяп-ляп-и главнокомандующій.

— Говорят, он много занимался и сам прошел курсы военной академіи.

— Я тоже сам окончил консерваторію по классу скрипки. Не отправиться-ли мнѣ в турнэ по Европѣ и Америкѣ?

— Ты все шутишь.

— Нѣт, Павел Николаевич, говорю самым наисеріознѣйшим образом. Нашлепают опредѣленно. Да, за кого драться?

— За Родину.

— За Родину или за укрѣпленіе коммунистической партіи?

— Большевизм — явленіе временное. Россія останется Россіей. Нужно оберегать границы от иноплеменников.

— Тьфу, ты! Да кто же эти границы провел? При Императорѣ границ не было, а был варшавскій округ, губернія. Забыл что-ли, или дурачком притворяешься?

— А ты не злись!

— Я и не злюсь. Здравый смысл говорит, что чѣм раньше дадут им по черепу, тѣм скорѣе переворот. А мы, раскаявшіеся, можем затянуть событія и, не дай Бог, побѣдим. Тогда коммунистическая партія оправится твердо встанет на ноги и мы, добровольцы, закабалим нашу Родину. Нѣт, не хочу, не пойду.

— Не хочешь, не надо, а я рѣшил. Э-э-эх, как заберусь в Сопвич, Ньюпор или Виккерс! «Контакт»? «Есть, контакт»! Р-р-р-р-р... ручку на себя... Как то думаешь?

— Это, дѣйствительно, разлюли-малина.

— То-то. А вспомни-ка, как мы налетѣли на германскую «Двухвостку». С двух сторон атаковали и та-та-та... а, помнишь? Пулю вытащили?

— Нѣт, сидит попрежнему. Постепенно выходит. Да, дѣло интересное. Вѣрно сказал:

хорошо бы подлетнуть. Хотя бы на аршин от земли, провалиться бы!

— Можно и подлетнуть.

— Павел Николаевич! Не соблазняй! Прошу! А то, вот как дам кулаком по всѣм этим горшкам, пробиркам и ретортам!...

— Соблазнять нечего. Подлетнем в красной арміи, а не понравится, гош влѣво, педаль...

— Павел Николаевич!

... Винт крутится... в воздухѣ пограничных постов нѣт...

— Павел Николаевич!

... Пѣшком не итти... дал газ... пошевелил рулями...

— Пшол! Вон! Чтобы духу твоего...

* * *

Через недѣлю тапер Пущин перешел границу и явился военному комиссару.

Допрашивали Пущина очень любезно:

— Имя, отчество, фамилія?

— Пущин, Павел Николаевич.

— Род оружія?

— Авіація, военный летчик.

— Чин до революціи?

— Прапорщик.

— Соціальное положеніе?

— ? !

— Кто — ваш отец?

— Сельскій учитель.

— Ага ага. Имущество: дом, земля?...

— Нѣт.

— Ага, пролетарій... наш...

* * *

В Москву привезли торжественно. По дорогѣ к Пущину присоединились другіе добровольцы. На вокзалѣ встрѣтили с помпой. Говорили рѣчи.

С духовым оркестром провели по городу и, впредь до назначенія, пока размѣстили в пустой казармѣ.

Состав добровольцев быстро рѣдѣл: назначенія приходили быстро.

На четвертый день был произведен вторичный опрос Пущина. Спрашивали — почему он бѣжал в Финляндію, а не поступил в красную гвардію.

— А что вас заставило поступить в красную армію теперь?

— Спасеніе Родины от интервентов.

— А-а-а-а!...

Послѣ допроса временно посадили в подвальное помѣщеніе и приставили караул.

* * *

На утро пятаго дня пролетарій Пущин, за желаніе-ли спасти Родину от интервентов или по невыясненным причинам, был разстрѣлян.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

«Записки военнаго летчика» том I

Шанхай, 1934 г.

«Голубой фоккер» том II

Харбин, 1935 г.

Готовится к печати:

«Катастрофа» т. IV — т. V.

(Роман из жизни военных летчиков).

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

		Сер. дол
Амфитеатров, А.	— Разсказ присяжнаго повѣреннаго.	1.00
”	— Двѣ Надежды.	0.80
Апрѣлев, Б. П., кап. 2 р.	— Нельзя забыть.	3.00
” ”	— На “Варягѣ”.	2.00
” ”	— Нашей смѣнѣ.	1.70
” ”	— Историческіе очерки. Кн. I.	1.30
” ”	— Историческіе очерки. Кн. II.	2.00
Ардов, Е. (Апрѣлева, Е. И.)	— Средне-Азіатскіе очерки.	1.50
Архангельская, Е.	— Жизнь.	1.50
Арнольдов, Л. В.	— Жизнь и Революція	2.50
”	— Из страны Бѣлаго Солнца	3.00
Баженов, Н. П.	— Пути и предначертанія Божіи	2.00
Валь.	— Дорога к счастью	1.50
Вудхауз, П.	— Оптимист.	1.00
”	— Крупныя деньги.	1.00
Глуховцова, Е.	— Федор Кузьмич.	0.80
Дальній, Б.	— Все, что было.	1.50
Зайцев, И. М., ген.-майор.	— Соловки.	1.75
Ильвов, Б. Я.	— Рокот моря.	1.50
”	— Летучій Голландец.	1.50
Казаков, В.	— Нѣмые свидѣтели (Исторія знамен)	2.00
Качоровскій, В. А.	— Зачумленный Рай.	3.00

Колесников, Н. В. — Суворов. 1.00
Льдовскій, лейт. — Записки военнаго летчика. 1.50
Макѣев, есаул. — Бог войны — Барон Унгерн. 1.50
Матвѣева, К. — И смолкли колокола. 1.50
Несмѣлов, А. — Разсказы о войнѣ. 1.50
Нестор, Архіеп. — Египет, Рим, Бари. 1.00
Пантелеев, А. — Кромѣшники. 1.50
Петров, В. — Лола. 1.50
" — Под американским флагом. 1.50
Соломбин, Е. — Таинственное в обычном. 2.00
" Блудный сын. 2.50
Суворин, Б. — Барон. 1.50
Третчиков, Н. Г. — Современная Маньчжурія. 2.00
Уоллес, Э. — Сержант сэр Питер. 1.50
Уваров, Б. — Лихолѣтье. Кн. I. 1.50
" — Лихолѣтье. Кн. II. 2.00
Чхеидзе, К. А. — Страна Прометея. 2.00
Шендрикова, К. — Женщина из бара. 2.00
" — Из-за власти. 2.00
" — Крещенскій вечерок. 0.40
" — Семья Кузнецовых. Кн. I. 2.00
" — Семья Кузнецовых. Кн. II. 2.00

УЧЕБНИКИ.

Семи учителей. Практическая грамматика. Ч. I. 0.25
" Практическая грамматика Ч. II. 0.40
" Практическая грамматика. Ч III. (этимологія и синтаксис). 1.00
Вахтеров. — Букварь. 0.60
Львов — Ключ к познанію англійскаго языка. 1.00
Попов, В. — Отблески. Хрестом. Часть приготовительная. 1.50
Юревич, Г. — Сборник арифметических задач. 1.00
Живыя числа. — Арифметическій задачник в картинках. 0.70
Острогорскій. — Исторія России (с иллюстраціями) 1.00
Воздвиженскій. — Моя первая Священная Исторія. 1.60